

INSPIRIA

СЕП ТЮН ФОССЕ ЛО РЯ

ДРУГОЕ ИМЯ

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Юн Фоссе

Другое имя. Септология I-II

2019

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

Фоссе Ю.

Другое имя. Септология I-II / Ю. Фоссе — 2019 — (Loft.
Современный роман)

ISBN 978-5-04-163900-6

Первая книга грандиозного полотна о Боге, одиночестве и сияющей темноте искусства. Номинант на Букеровскую премию 2020 года. Юн Фоссе — именитый норвежский писатель и драматург. Помимо пьес, он пишет стихи и романы, детские книги и эссе. Несколько лет назад Фоссе заявил, что отныне будет заниматься только прозой, и его «Трилогия» сразу получила Премию Совета северных стран. Художник Асле живет в Дюльгю. В основном он общается только со своим соседом, холостым рыбаком Ослейком. В Бьёргвине живет еще один Асле. Он тоже художник. Оба Асле дружат и в каком-то смысле представляют собой две версии одной и той же жизни. В первой книге «Септологии» мастер «медленной прозы» Юн Фоссе ретроспективно знакомит нас с детством обоих Асле. «Другое имя» — это история о памяти, фьорде, опасностях и о соседе, сгинувшем в море.

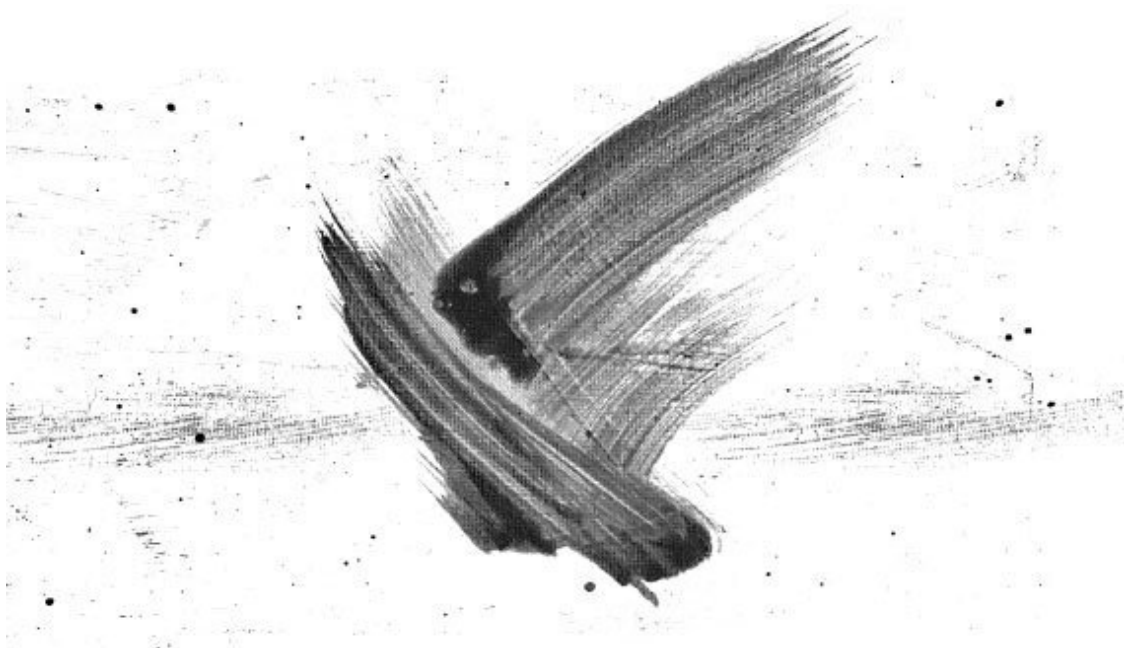
УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-04-163900-6

© Фоссе Ю., 2019

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юн Фоссе

Другое имя. Септология I–II

Посвящается Анне

*И дам ему белый камень и на камне написанное новое имя,
которого никто не знает, кроме того, кто получает.
Откровение, 2:17*

*Dona nobis pacem.
Agnus Dei!*

Jon Fosse
DET ANDRE NAMNET
Septologien I–II

Copyright © 2019 Det andre namnet.
Septologien I–II, Det Norske Samlaget Published by permission of Winje Agency A/S,
Skienstgate 12, 3912 Porsgrunn, Norway

© Федорова Н., перевод на русский язык, 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

I

Я вижу себя: я стою, глядя на картину с двумя пересекающимися в центре полосами, лиловой и коричневой, картина продолговатая, и вижу, что выводил полосы медленно, густыми масляными красками, они растеклись и на пересечении коричневый и лиловый красиво смешиваются и сбегает вниз, и я думаю, что никакая это не картина, а вместе с тем она такая, как надо, завершенная, больше ничего с ней, по-моему, делать не нужно, пора ее убрать, незачем ей стоять на мольберте, не хочу больше смотреть на нее, вот так я думаю, а еще думаю, что нынче понедельник и что картину эту надо поставить к тем, над которыми я работаю, но пока никак не закончу, они стоят подрамниками наружу между дверью в маленькую комнату и дверью в коридор, под крючком, на котором висит коричневая кожаная сумка с длинным наплечным ремнем, в ней у меня альбом для эскизов и карандаш, потом я перевожу взгляд на два штабеля готовых картин у стены возле кухонной двери, там уже приготовлены штук десять довольно больших живописных работ и четыре-пять маленьких, всего четырнадцать, стоят штабелями рядом с кухонной дверью, потому что вскоре у меня будет выставка, в основном, думаю я, картины, как говорится, более-менее квадратные, но иной раз я пишу и длинные и узкие, а та, с двумя пересекающимися полосами, прямоугольная, так о ней скажут, но на теперешней выставке я эту картину показывать не стану, в сущности, она мне совершенно не нравится, пожалуй, это вообще никакая не картина, просто две полосы, или, может, я хочу оставить ее себе, не продавать? ведь некоторые картины я оставляю себе, не продаю, и, возможно, она из таких, хоть и не нравится мне? что ж, пусть даже картина, можно сказать, не удалась, я, пожалуй, все-таки сохраню ее и оставлю у себя? хоть и не знаю, с какой стати хранить ее у себя заодно с немногочисленными другими картинами, что стоят в мансарде, в одной из тамошних комнаток, с какой стати я не хочу с ней расстаться, кстати, может, Аслеик захочет ее взять? ну, чтобы подарить на Рождество Сестре? ведь каждый год, в адвент², он получает от меня картину, которую дарит Сестре на Рождество, я же получаю от него мясо, рыбу, дрова и прочее, вдобавок нельзя забывать, что зимой он еще и расчищает мою подъездную дорожку, как говорит сам Аслеик, ну да, и это тоже, а когда я говорю, за сколько подобная картина продается в Бергене, Аслеик говорит, он, мол, диву дается, что народ готов выложить такие деньжищи за картину, но, видать, у тех, кто покупает, денег куры не клюют, а я в ответ говорю что да, деньги большие, я и сам так считаю, а Аслеик говорит, что, коли так, он, стало быть, не внакладе и в таком разе каждый год, мол, делал Сестре на Рождество дорожный подарок, а я говорю: да-да, и мы оба умолкаем, а немного погодя я говорю, что теперь нет-нет да и подкидываю ему купюру-другую – за бараньи ребрышки и вяленое мясо, за вяленую рыбу и дрова, ну и за расчистку тоже, – а иной раз и пакет съестного, маленько продуктов, купленных в Бергене, когда мне случалось ездить туда за покупками, так я ему говорю, и тогда он в некотором замешательстве отвечает, что да, мол, бывает такое, что правда, то правда, а я думаю, что зря этак сказал, ведь Аслеик не хочет брать ни деньги, ни что другое, но если считать, что мне, мол, всего хватает, всего у меня в достатке, а он вроде как сидит без денег, то я как бы просто украдкой сую ему парочку купюр, и мы этого как бы не замечаем, и точно так же, думаю я, происходит, когда я езжу за покупками в Берген, я тогда непременно покупаю что-нибудь для Аслеика, ведь если я зарабатываю немного, то он по сравнению со мной вовсе ничего почти не зарабатывает, думаю я, глядя на штабеля готовых картин, которые стоят самодельными подрамниками наружу, и у каждой картины есть название, оно написано сверху на подрамнике густой черной масляной краской, и картина, которая стоит последней и на которую я смотрю, называется «А волны плещут», названия для меня важны, они как бы часть самой картины, и я всегда пишу их черной

² Адвент – предрождественское время, начинается с четвертого воскресенья до Рождества. – *Здесь и далее прим. перев.*

масляной краской сверху на подрамниках, а подрамники мастерю своими руками, всегда так делаю, с тех самых пор как занялся живописью, думаю я, а еще думаю, что для одной выставки картин, пожалуй, многовато, но я возьму с собой все, отвезу в Галерею Бейер, пусть лучше Бейер сам отложит те или иные в подсобку, он зовет ее Банком и хранит там картины, которые не участвуют в выставке, думаю я, а потом иду и опять гляжу на картину с двумя пересекающимися полосами, обе выведены густо, пастозно, как говорится, и масляные краски слегка растеклись, и там, где полосы пересекаются, получился такой удивительный цвет, красивый цвет, безымянный, так чаще всего и бывает, ясно же, для всех несчетных оттенков, какие есть на свете, названий не напасешься, думаю я, отступаю от картины на несколько метров и опять смотрю на нее, потом выключаю свет и смотрю на картину в потемках, на улице-то темно, в эту пору года круглые сутки темно или почти темно, думаю я и смотрю на картину, а глаза привыкают к темноте, и я вижу полосы, вижу, как они пересекаются, вижу, что в картине много света, да-да, много незримого света, так что, пожалуй, она все-таки удалась, думаю я и не хочу больше смотреть на картину, а сам все равно стою и смотрю; пора с этим кончать, думаю я и перевожу взгляд на круглый стол у окна, возле него стоят два стула, и на одном, который слева, сидел и сижу я, а на том, что справа, всегда сидела Алес, ну то есть пока была жива, но она умерла безвременно, и я не хочу об этом думать, и сестра Алида, она тоже умерла безвременно, и об этом я тоже думать не хочу, думаю я и прямо воочию вижу, как сижу там на своем стуле и смотрю на то место в устье Согне-фьорда, куда смотрю обычно, на мой ориентир, где вершины сосен, что ниже моего дома, будут посередине среднего стекла в двустворчатом окне, в правой его части, ведь окно разделено пополам, и обе створки можно открыть, а каждая створка в свою очередь разделена на три части, и посередине правой створки должны быть вершины сосен, и я, хоть и с трудом, различаю сосны и благодаря этому ориентиру могу разглядеть там во тьме волны, и я вижу, как сижу и смотрю на волны, а еще вижу, как иду к своей машине, запаркованной перед Галереей Бейер, на мне длинное черное пальто, а на плече коричневая кожаная сумка, и я только что заходил в Кофейню, но сегодня у меня не было большого аппетита, и вопреки обыкновению обед я брать не стал, взял только бутерброд с карбонадом и луком, да и время уже далеко за полдень, я купил в Бергене все, что собирался, так что пора возвращаться домой, на Дюльгю, путь-то неблизкий, что ни говори, думаю я, сажусь в машину, кладу коричневую сумку на пассажирское сиденье, завожу мотор и уезжаю из Бергена тем маршрутом, какому когда-то научил меня Бейер, как-то раз научил меня ездить в Берген и из Бергена, научил подъезжать к Галерее Бейер и уезжать той же дорогой, но в противоположном направлении, думаю я и еду прочь из Бергена, впадая в приятную прострацию, которую навеивает езда, и вижу, что как раз сейчас проезжаю мимо многоквартирного дома, где живет Асле, в Скутевике, у самого моря, там и небольшая пристань есть, думаю я, и я вижу Асле, он лежит на диване и дрожит, всем телом дрожит, и думает: ну уймется ли эта дрожь? а еще думает, что вчера вечером так и уснул на диване, потому что сил не было встать, раздеться и лечь в постель, даже собаку, Браге, и ту не выгулял, надо бы поскорей вывести бедолагу, думает он, но нельзя же так дрожать, и ведь дрожь-то во всем теле, не только в руках, думает Асле, надо встать, пойти на кухню да хлебнуть глоточек, чтобы дрожь унялась, вчера-то вечером он не разделся и не лег в постель, нет, остался на диване и с похмелья отсыпался там, думает он, вот и лежит теперь и глядит прямо перед собой да дрожит-трясется всем телом, и все это, думает он, кстати, что это? пустота? ничто? отдаленность? да, пожалуй что отдаленность, думает он, а теперь самое время хлебнуть глоточек, чтобы дрожь чуток унялась, думает Асле, и тогда он выйдет из дому, уйдет в море, думает Асле, единственное, чего он хочет, единственное, чего желает, – пропасть, исчезнуть, как еще ребенком исчезла сестра Алида, она, Сестра, просто лежала в постели мертвая, думает Асле, и как исчез соседский мальчонка по имени Борд, упал в море за борт отцовской лодки, а плавать не умел, обратно в лодку влезть не смог и до берега не добрался, думает Асле, ну а теперь надо взять себя за шкирку, думает он,

встать, пойти на кухню и налить себе добрый стакашек, чтобы дрожь чуток унялась, потом он обойдет квартиру и погасит свет, всю квартиру обойдет, проверит, все ли в порядке, а потом выйдет из квартиры, запрет за собой дверь, спустится на берег, войдет в море и будет идти все дальше, дальше, думает Асле, думает снова и снова, ведь это единственная мысль, на которую он способен, мысль, что он уйдет в море и пропадет там, в морских волнах, в ничто, думает Асле, и мысль эта знай кружит в его голове, не унимается, кружит и кружит, ведь только она, одна-единственная, реально присутствует, все прочее – пустая отдаленность, пустая близость, да нет, пустоты нет, но в его потемках все равно пусто, а все прочие мысли, сколько бы ни пытался, он помыслить не в силах, слишком они тяжелые, неподъемные, в том числе и мысль, что надо поднять руку, кажется слишком тяжелой, и он замечает, что дрожит, хотя вообще не шевелится, дрожит всем телом, и почему нет сил подумать о том, чтобы встать? поднять руку? и почему единственное, о чем он может думать, это уход в море? он хочет выпить, чтобы унять дрожь, погасить свет в квартире, даже прибраться, коли надо, ведь перед уходом все должно быть в порядке, думает Асле, и, наверно, надо бы что-нибудь написать Малышу, думает он, Малыш, конечно, уже взрослый, давным-давно вырос и живет теперь в Осло, а может, следовало бы позвонить ему? но ни он сам, ни Малыш не любят телефонных разговоров, думает Асле, или, может, написать письмо Лив? как-никак они несколько лет состояли в браке, но развелись так давно, что обид друг на друга уже не держат, а он почему-то не может уйти, ни с кем не попрощавшись, это вроде как неправильно, однако о другой, с которой состоял в браке, о Сив, он даже подумать не в силах, ведь она просто забрала Мальчугана и Дочку и уехала, вдруг взяла и уехала, ему и в голову не приходило, что они разойдутся, когда она объявила, что с нее довольно, забрала Мальчугана и Дочку и уехала, она и квартиру уже нашла, сказала она, а он ничего не понимал, думает Асле, одно время Мальчуган и Дочка приезжали к нему каждые вторые выходные, думает он, а потом Сив нашла себе нового мужа и вместе с Мальчуганом и Дочкой переехала в Трёнделаг, в какой-то там город, к новому мужу, которого себе подыскала, забрала детей и уехала, а он опять остался один, позднее Сив писала ему, требовала оплатить то одно, то другое, и, что бы это ни было, он платил, когда были деньги, думает Асле, но зачем думать об этом? ведь все это было когда-то, а теперь все приведено в порядок, все улажено, все принадлежности для живописи разложены на столе по своим местам, картины стоят в штабелях, подрамниками наружу, промытые кисти лежат одна подле другой, по ранжиру, все они дочиستا промыты скипидаром, и тюбики с масляными красками лежат по порядку один возле другого, смотря сколько краски в них осталось, крышки все тщательно завинчены, мольберт стоит пустой, все убрано, все на своих местах и в полном порядке, а он лежит тут и дрожит-трясется, и в голове ни одной мысли, только дрожь, а потом он опять думает, что надо встать и выйти, запереть за собой дверь и выйти из дома, спуститься на берег и пойти в море, далеко в море, идти, пока волны не сомкнутся над ним и он не исчезнет, снова и снова думает он, а в остальном сплошь ничто, сплошь тьма, которая временами, на краткий миг, вспышкой пронизывает его, и тогда его наполняет что-то вроде счастья, и он думает, что где-то, наверно, есть пустое ничто, пустой свет, вдруг это возможно? пустой свет, думает он, вдруг и впрямь возможно такое место? во всей его пустоте, во всей его сияющей пустоте? во всем его ничто? и пока Асле думает о таком месте, которого, понятно, нигде нет, он вроде как погружается в сон, но это не сон, а телесное движение, в котором он недвижим, во всей своей дрожи, но хотя он непрерывно дрожит, все такое тяжелое, и где-то в этой огромной тяжести есть невероятно легкий свет, прямо как вера, думает Асле, а я вижу, как он лежит в гостиной, в мастерской или как уж ее там назвать, думаю я, лежит на диване, у окна, выходящего на море, возле дивана стоит журнальный столик, а на нем несколько закрытых альбомов с эскизами и несколько карандашей, все аккуратно, по порядку, это его комната, комната Асле, просто комната, думаю я, и все в ней прибрано, и у одной стены стоит большой холст подрамником наружу, изображением к стене, и я вижу, что сверху подрамника Асле написал черной

краской «Сияющая тьма», вот, значит, как называется картина, думаю я и вижу в одном углу рулон холста, а в другом – деревянные рейки для подрамников, а еще вижу Асле, лежащего на диване, вижу, как он дрожит всем телом и думает, что надо бы хлебнуть глоточек, чтобы дрожь унялась, и он садится, сидит на диване и думает, что теперь надо хотя бы покурить, но он так дрожит, что не в силах даже соорудить самокрутку, придется доставать сигарету из пачки на журнальном столике, он вытаскивает сигарету из пачки, сует в рот, потом достает из кармана бренок коробок, чиркает спичкой, кое-как раскуривает сигарету, несколько раз глубоко затягивается и думает, что не стоит вынимать сигарету изо рта, пусть пепел сам падает, но, так или иначе, пора промочить горло, думает Асле и все дрожит, дрожит, но умудряется спрятать спички в карман, наклоняется к пепельнице на журнальном столике и выплевывает туда сигарету, а я еду на север и думаю, что надо было остановиться и заглянуть к Асле, зря я там, в Скутевике, просто проехал мимо его квартиры, но если он вправду хочет, я не смогу помешать ему уйти к морю и войти в море, если ему охота, пусть идет, думаю я, еду на север и вижу, как стою, глядя на картину с двумя пересекающимися полосами, вижу, как иду на кухню в своем старом доме, потому что дом старый и кухня тоже старая, вижу, что все на своих местах и оба стола, рабочий и обеденный, чисто вымыты, вижу, что всюду, как полагается, чистота и порядок, вижу, как иду в ванную, включаю свет, и там тоже полный порядок, раковина чистая, туалет чистый, и я вижу, как становлюсь перед зеркалом, вижу свои поредевшие седые волосы, седую щетину на подбородке, провожу рукой по волосам, снимаю черную резинку, которая стягивает волосы на затылке, и они, длинные, жидкие и седые, падают мне на плечи, на грудь, а я провожу по ним пальцами, закладываю за уши, беру черную резинку и опять собираю на затылке, выхожу в коридор и вижу там свое черное пальто, сколько же лет оно у меня, думаю я, никто не может поставить мне в укор, что я покупаю новую одежду без необходимости, думаю я, вижу на крючке множество шарфов и думаю, что шарфов у меня много, Алес часто дарил мне шарфы на Рождество или на день рождения, потому что я так хотел, она спрашивала, что я хочу в подарок, а я чаще всего говорил, что хочу шарф, вот и получал его, думаю я, иду в большую комнату, то бишь в мастерскую или как уж там ее назвать, она ведь и то и другое, но я называю ее большой комнатой, и вижу коричневую кожаную сумку с длинным ремнем, она висит на крючке над картинами, которые я отложил, которыми не вполне доволен, они стоят между дверью в маленькую комнату и дверью в коридор, и, выходя из дома, я всегда вешаю на плечо коричневую сумку, там у меня альбом для эскизов и карандаш, думаю я и вижу, что сумка лежит на своем месте, на пассажирском сиденье, а я еду на север и с радостью думаю, что скоро приеду домой, в свой милый старый дом на Дюльгье, и вижу себя: я смотрю на круглый стол у окна и на два пустых стула рядом с ним, на спинке одного висит черная бархатная куртка, та, что сейчас на мне, и вон там, на стуле подле лавки, всегда сижу я, а на другом стуле обычно сидела Алес, это был ее стул, думаю я и опять вижу, как стою, глядя на картину с двумя пересекающимися полосами, не по душе мне смотреть на эту картину, но вроде как приходится, думаю я, и по-прежнему еду в потемках на север, и вижу Асле, он сидит на диване, смотрит на что-то и не смотрит, дрожит, трясется, все время дрожит, и одет в точности так, как одет я, в черные брюки и свитер, а на спинке стула у журнального столика висит черная бархатная куртка, точь-в-точь такая, как на мне, та, что обычно висит на стуле возле круглого стола, и волосы у него седые, и, как у меня, стянуты на затылке черной резинкой, и щетина на подбородке седая, как у меня, я сбрываю ее примерно раз в неделю, думаю я и вижу, как Асле сидит на диване и дрожит всем телом, он приподнимает руку, отводит ее немного в сторону, рука тоже дрожит, и он думает, что по той или иной причине ему полегчало, стало лучше, а еще думает, что надо бы подкрепиться, но так дрожит, что первым делом должен встать на ноги и хлебнуть глоточек, думает он, сидя на диване, а я думаю, что нельзя оставлять Асле одного в таком состоянии, зря я не заехал к нему на квартиру в Скутевике, я ведь иной раз туда заезжаю, а сейчас он во мне нуждается, думаю я, но многоквартирный дом, где живет

Асле, уже далеко позади, да, зря я не заехал, может, развернуться и двинуть обратно? но я так устал, думаю я, еду на север и в потемках различаю у дороги старый, побуревший дом, он, того и гляди, развалится, и я вижу, что несколько кровельных плиток отсутствуют, а ведь здесь, думаю я, когда-то жили мы с Алес, кажется, это было давно-давно, в другой жизни, думаю я, проезжая мимо этого дома, а чуть дальше вижу съезд, сворачиваю туда, останавливаю машину и сижу за рулем, просто сижу в машине, ни о чем не думаю, ничего не делаю, просто сижу, а потом думаю: ну с какой стати я остановился на этом съезде? раньше-то никогда здесь не останавливался, хотя много раз проезжал мимо, не-ет, надо ехать домой, я бы, конечно, провед-дал Асле, но теперь уже слишком поздно, думаю я, сидя в машине, думаю, что, пожалуй, надо прочесть молитву, а потом думаю о тех, кто зовет себя христианами и считает или, по крайней мере, считал, что ребенка ради его спасения необходимо крестить, но одновременно они считают, что Бог всемогущ, а какая же тогда необходимость в спасении? разве Бог не может поступать так, как хочет? ведь если Он всемогущ, то, наверно, такова Его воля, чтобы одних крестили, а других нет? глупо же верить, что для спасения необходимо крещение, ну в самом деле ужасно глупо, думаю я и замечаю, что при мысли об этом на душе светлеет, при мысли о глупой убежденности иных христиан, что для спасения, в чем бы оно ни состояло, необходимо крещение, эта глупость настолько велика, настолько очевидна, что даже смеха не вызывает, ведь очевидная глупость вовсе не смешна, в том числе и глупость тех, что именуют себя христианами, глупость многих из них, хотя, конечно, и не всех, думаю я, и, по-моему, те, кто этак считает, едва ли высокого мнения о Боге, и я думаю об Иисусе, о том, как Он любил детей и говорил, что дети, мол, от Бога, из Царствия Божия, что принадлежат они Царствию Божию, и это прекрасно и истинно, думаю я, а коли так, зачем им крещение? они ведь уже принадлежат Царствию Божию? а еще я думаю, что крещение, крещение детей – штука хорошая, но существует для человека, а не для Бога, для человека оно важно либо может быть важно, или, пожалуй, для Церкви, главным образом для Церкви, но не для Бога, ведь дети уже часть Царствия Божия, и надо стать таким, как они, как малые дети, чтобы войти в Царствие Божие, как сказано в Писании, думаю я, а вообще-то пора мне утомиться, потому что я сам размышляю ровно глупец, думаю о чужой глупости, а в собственных моих мыслях нет никакой ясности, нет меж ними связи, ведь, конечно же, чтобы стать крещеным, не требуется крещения водой, можно креститься и в себе самом, духом, что живет в тебе, тем духом, который ты есть и которым обладаешь, тем духом, который ты получил, чтобы родиться человеком, думаю я, и превеликое большинство людей – и те, что жили прежде, и те, что живут сейчас, – крещены лишь в себе, а не водою в церкви, не священнослужителем, они крещены тем духом, что им дарован и живет в них, и, пожалуй, связью своей с другими людьми, связью, существующей во мнениях, в духе, присущем мнению, присущем речи, думаю я, и, по-моему, некоторые люди крещены, в детстве или уже взрослыми, и некоторые были очищены водою, освященной водою, думаю я, наверно, это само по себе прекрасно, но и только, и крещение отдельного человека, каждое отдельное крещение, по-моему, есть крещение всех, ибо люди, все люди связаны между собой, и живые, и мертвые, и еще не рожденные, и то, что делает один человек, в некотором смысле ничем не отличается от того, что делает другой, думаю я, вот Христос жил, умер и воскрес и был един с Богом, как единственный человек, таковыми стали и все люди, в том смысле, что они люди во Христе, хотя бы они того или нет, они связаны с Богом в Иисусе Христе и через Него, через Сына Человеческого, знают ли они об этом, нет ли, верят ли в это, нет ли, но дело обстоит именно так, ведь, по-моему, и христианство кое-что знает, и, право же, я сам перешел в Католическую церковь, причем только ради Алес, поскольку даже касательно крещения детей не согласен с Католической церковью, однако я никогда не жалел, что стал католиком, думаю я, потому что католическая вера много мне дала, и я считаю себя христианином, примерно так же, как считаю себя коммунистом или, во всяком случае, социалистом, и я на свой манер каждый день, даже по несколько раз на дню, молюсь по четкам и, когда удастся, непременно

хожу к мессе, ведь и в ней, в мессе, есть своя правда, как и в крещении есть своя, крещение тоже участвует в правде, оно тоже может вести вперед, да-да, прямо к Богу, думаю я, поскольку Бог, пожалуй, таков, каким я могу Его помыслить, хотя есть и иные способы помыслить Его и действительно искренне верить в Него; всё, что всерьез обращено к Богу – использует ли человек слово «Бог», или ему, быть может, хватает ума или дурости не делать этого перед лицом неведомого божества, – всё ведет к Богу, так что, в сущности, все религии суть одно, думаю я, и в этом смысле религия и искусство одинаковы, также и потому, что Библия и литургия – вымысел, как поэзия и картина, существуют литература, и театр, и живопись, и в них тоже есть своя правда, ведь и у искусства, разумеется, есть своя правда, думаю я, однако сейчас нельзя мне этак расслаживаться и погружаться в размышления, думать неясными мыслями, надо ехать дальше на север, вернуться в мой дом на Дюльгье, в мой милый старый дом, нельзя сидеть в машине да зябнуть, пора запустить мотор и ехать на Дюльгью, я же люблю водить машину, меня это вроде как успокаивает, погружает в протрацию, даже прямо-таки приносит радость, и мысль о возвращении домой на Дюльгью, в милый старый дом тоже приносит радость, думаю я, хотя теперь я неизменно возвращаюсь в пустой дом, Алес-то умерла, нет-нет, неправда, пусть Алес давно умерла, но она по-прежнему в доме, думаю я, а еще думаю, что хорошо бы завести собаку, я же всегда любил собак, да и кошек тоже, хотя завести лучше собаку, с собакой дружба больше, думаю я, как думал уже много раз, но завести собаку так и не собрался, даже не знаю почему, может, потому, что хочу быть с одной только Алес? ведь хотя Алес умерла, думаю я, она все равно здесь, или, может, мне теперь пора всерьез решиться и завести собаку? а вот у Асле, думаю я, есть собака, все эти годы у него была собака, думаю я, а еще думаю, что все-таки зря проехал мимо дома Асле, нельзя ему быть одному, в таком-то состоянии, очень ему тяжело, очень его тяготит собственное бремя, тяжелое дрожащее бремя, которое тянет его в землю, думаю я, надо бы развернуться и поехать обратно в Берген, думаю я, проведать Асле, ведь я могу пособить, оттащить Асле от него самого, думаю я и вижу, как Асле сидит на диване и знай дрожит, надо бы вернуться, он сейчас нуждается во мне, но я устал и очень хочу домой, надо ехать на север, добраться до дома, я был в Бергене, купил холст в магазине «Художник» и деревянные рейки для подрамников на Складе пиломатериалов, а кроме того, много провизии и намерен сей же час продолжить путь домой на Дюльгью, думаю я, вообще-то я собирался пойти в Бергене на вечернюю службу в церкви Святого Павла, но слишком устал, так что, пожалуй, надо будет опять съездить в Берген в следующее воскресенье, к утренней мессе, давненько я не бывал на мессе, так что неплохо бы снова пойти к причастию, заодно можно и Асле навестить, думаю я и вижу, как он сидит на диване и по-прежнему дрожит, но не пора ли ему встать и выгулять собаку? а Браге, как я вижу, лежит у двери в коридор и ждет, когда его выведут на прогулку, я вижу, как он встает и тихонько подходит к дивану, запрыгивает на диван, ложится к Асле на колени, просто лежит там и тоже дрожит, а Асле не в силах шевельнуться, даже руку поднять не в силах, слова сказать не в силах, сказать слово, уже мука мученическая, надо вроде как заставить себя, думает он, но по какой-то причине мысли его уже не так мельтешат, не мчатся по кругу, уже нет, ведь теперь, когда собака пришла и легла к нему на колени, мысли его начинают шевелиться, думает он

Браге, милочка, говорит Асле

Милочка, милочка Браге, говорит он

и дрожащей рукой Асле гладит шерстку Браге, треплет его по шерстке и думает, как ему только в голову пришло, что надо пойти в море, ведь кто же тогда позаботится о собаке? неужто я впрямь готов бросить собаку, думает Асле и дрожит уже меньше, но все равно дрожит, всем телом дрожит, ох нет, думаю я, не хочу я больше думать об Асле, не хочу видеть перед собой ни его самого, ни длинные его седые волосы, ни седую щетину, не хочу больше думать о нем, смысла нет думать о нем, он же просто один из многих таких, одинокий, один из многих одиноких, просто один из многих людей искусства, художников, которых не знает, почитай,

никто, кроме ближайшей родни, да кое-кого из знакомых со студенческих времен, да разве что нескольких коллег, он такой же, как любой другой художник, не больше и не меньше, один из тысяч, нет, не хочу больше думать о нем, думаю я, а немного погодя опять думаю, что все-таки надо было заглянуть к нему, одинокий ведь, опустившийся, надо было зайти и спросить, не выпить ли нам по стаканчику, и он бы мог выпить стакан пива или рюмку чего покрепче, а я – чашку кофе с молоком, потому что пиво больше не пью, вообще не пью ни пиво, ни вино, ни крепкие напитки, трезвенником стал; вот что мне надо было сделать, ведь если бы Асле тяпнул стаканчик, ему бы полегчало, он бы перестал дрожать, снова успокоился, один стаканчик – и бремя полегчало бы, не давило бы, пропустило чуточку света и воздуха, и я бы взял его с собой куда-нибудь, где другие люди, где другие тоже выпивают, сидят в компании и находят душевное утешение, вот что мне надо было сделать, не проезжать мимо, а остановиться, взять его с собой, вывести в живой мир, чтобы он ожил, но я просто проехал дальше на север, словно мне до него и дела нет, словно я хотел поскорее уехать от него, потому что не вмоготу мне было, сил не было смотреть, как Асле лежит там, думаю я, вот я и проехал мимо дома в Скутевике, где он живет, будто Асле слишком тяжелое бремя, будто его боль или страдания, пожалуй, это слово точнее, вынудили меня проехать мимо, не потому, что я не хотел быть с ним, но потому... нет, не знаю, мне просто хотелось уехать, или, может, я подумал, что если заеду, то его боль, его страдания каким-то образом перейдут на меня, во всяком случае, сейчас я так оправдываю, что не заехал, не навестил его, проехал мимо... все-таки почему я его не проведаль? струсил? не мог разделить его боль? не мог разделить его страдания, но что я имею в виду, думая так? это же только слова, разделить боль, разделить страдания, только слова, будто вправду возможно разделить боль, разделить страдания, думаю я и вижу, что сижу в машине, глядя на детскую площадку пониже дороги, ребятишек там нет, но на качелях сидит молодая женщина с длинными черными волосами, а на скамейке возле качелей молодой человек, у него каштановые волосы до плеч, черное пальто и шарф, дело к вечеру, уже почти свечерело, и он сидит, глядя на молодую женщину на качелях, на плече у него коричневая кожаная сумка, а молодая женщина смотрит прямо перед собой, осень, листья кое-где уже начали менять окраску, это лучшее и самое красивое время года, думаю я, и красивее всего, пожалуй, когда вечереет, когда свет начинает меняться, когда к нему примешивается толика тьмы, но еще вполне светло, и я с легкостью могу разглядеть, что иные листья уже потеряли зеленую окраску, думаю я, это мое время года, так было всегда, сколько себя помню, я всегда больше всего любил осень, думаю я и гляжу на молодого человека, который неподвижно сидит на скамейке и смотрит перед собой, будто не смотрит вообще ни на что, гляжу на молодую женщину на качелях, она тоже невидящим взглядом смотрит в пространство перед собой, и почему они сидят так неподвижно? почему не шевелятся? он сидит на скамейке, думаю я, она на качелях, оба просто сидят, а почему сидят-то? почему не разговаривают друг с другом? почему совершенно неподвижны, будто на картине? да-да, думаю я, в самом деле будто на картине, на картине, которую я могу написать, думаю я и знаю, что именно этот миг, именно эта картина, уже запечатлелись в моей памяти и никогда не исчезнут, у меня в памяти много таких картин, тысячи, и при одной мысли, при одном взгляде на что-нибудь похожее или просто ни с того ни с сего такая картина может возникнуть снова, зачастую в самое необычное время и в самом необычном месте, картина, неподвижная картина, в которой тем не менее как бы сквозит движение, кажется, будто каждая такая картина, каждая из тысяч картин, что хранятся в моей голове или уж не знаю где, что-то говорит, говорит прямо-таки явственно, только вот понять, что она говорит, совершенно невозможно, я, конечно, могу придумать, что картина говорит то или другое, конечно же, могу и, конечно же, придумываю, временами могу придумать, что говорит картина, но суть того, что она говорит, не схватываю никогда, потому что до конца понять картину невозможно, она, так сказать, словно бы не совсем от мира сего, и странно, даже удивительно, что он и она сейчас сидят будто персонажи такой вот неизъяснимой картины, которую я вижу внутренним

взором, хотя вижу на самом деле: он сидит на скамейке, она – на качелях, будто не могут сдвинуться с места, будто их держит что-то незримое, вот они и сидят, кажется уже давно, сидят, будто сидели так всегда, все время, всегда, на ней юбка, лиловая юбка, которая слегка потемнела в раннем сумраке, лиловость уже отдает чернотой, а он сидит в длинном черном пальто, с коричневой сумкой через плечо, волосы у него каштановые, до плеч, и бороды на лице не видно, однако я-то не могу просто этак вот сидеть, думаю я, он и она неподвижны, и сам я тоже неподвижен, точь-в-точь как они, думаю я, но я не могу просто сидеть в машине, ведь проезжающий мимо народ станет удивляться, почему это я сижу в машине, почему не еду дальше, но мимо никто не проезжает, а если б кто и проехал, не стал бы удивляться, что я отдыхаю на съезде, скорее уж удивляться должны те двое на детской площадке, если они вообще меня заметили, но наверняка не заметили, во всяком случае, ни он, ни она на меня не смотрят, не видят, что я сижу в машине, а вокруг мало-помалу темнеет, пока что светло, но в воздухе уже витает сумрак, медленно, исподволь воздух насыщается сумраком, думаю я и все сижу, глядя на молодого человека в черном пальто, сидящего на скамейке, с коричневой кожаной сумкой через плечо, и на молодую женщину в лиловой юбке, сидящую на качелях, поскольку они так и сидят, неподвижные, будто персонажи живописной картины, да-да, но я, когда пишу картины, всегда словно бы стараюсь избавиться от тех картин, что запечатлелись в памяти, таких, как вот эта, где сидят он и она, мне хочется как бы отделаться от них, покончить с ними, я думал даже, что и художником стал оттого, что во мне слишком много картин, беда как много, они мучают меня, возникая снова и снова, являясь мне в самых разных ситуациях, и я ничего не могу поделать, разве только взяться за кисти, попытаться написать эти запечатленные во мне картины, одну за другой, и таким образом избавиться от них, но я никогда не пишу в точности то, что видел и что запечатлелось, нет, раз-другой попробовал и выяснилось, что тогда я просто пишу виденное, не более чем, просто как бы дублирую виденную картину, работа получается плохая, и от картины внутри меня, от которой пытаюсь избавиться, я не отделяюсь, стало быть, я должен писать таким образом, чтобы запечатленная во мне картина растаяла и исчезла, стала как бы незримой и забытой частицей меня, собственного моего образа, единственной картины, которой я владею и которая есть я сам, ведь я, без сомнения, владею только одним образом, одной-единственной картиной, а все прочие, в том числе и те, какие я вижу, какие запечатлеваются во мне и не забываются, чем-то схожи с тем единственным живущим во мне образом, увидеть его невозможно, но кое-что, присущее ему, я вижу, потому-то картина и запечатлевается во мне, вот как сейчас, когда, сидя в машине, я гляжу на молодого человека и на молодую женщину, как они сидят, смотрят в пространство перед собой, а не друг на друга и ничего не говорят друг другу, но кажется, будто они вместе, будто они одно, ведь его как бы невозможно видеть без нее, а ее невозможно видеть без него, ее черные волосы, его каштановые, ее длинные волосы и его волосы до плеч, их, сидящих здесь, невозможно отделить друг от друга, ну а что они не двигаются, не более примечательно, чем моя собственная неподвижность, ведь я просто спокойно сижу в машине, без какой-либо особой причины, думаю я, но почему сижу-то? а затем мне приходит в голову, что я могу спуститься к этим двоим, могу выйти из машины и просто спуститься к этим двоим на детской площадке, но ведь так нельзя? их надо оставить в покое, они сидят в таком огромном, тягучем и хрупком покое, что я не могу их беспокоить, если я спущусь к ним, то стану докукой, ведь они сидят так покойно, так умиротворенно, думаю я, но можно ли этак вот сидеть в автомобиле, будто я вообще ни на что не способен, ничего не могу, будто я слишком устал, навещая Асле в его скутевикской квартире, видя, как его бьет дрожь, и будто слишком устал после всех дел, какие переделал в Бергене, думаю я, теперь надо ехать домой, возвращаться в старый дом на Дюльге, в милый дом, хватит уже, думаю я, глядя на молодую женщину на качелях и молодого мужчину на скамейке, а он думает, что, когда был мальчишкой, они каждый год проводили по несколько летних недель у деда с бабкой, у маминых родителей, а дом их стоял рядом с детской площадкой, точь-в-

точь такой же, как эта, маленькой детской площадкой с качелями, скамейкой и песочницей, дом был серый, каменный, не очень большой, пол в нижнем коридоре был выложен плиткой, вспоминается ему, еще там уборная была на улице, деревянная будочка за серым каменным домом, окруженная кустами, а чуть поодаль от дома находилась детская площадка, и он часто ходил туда, думает он, и ему хочется сказать об этом ей, но вряд ли ей это интересно, и они уже так давно сидят, не говоря ни слова, нет, все-таки он нарушит тишину, скажет, что в детстве временами жил в сером каменном доме возле такой вот детской площадки, думает он, нельзя же до бесконечности сидеть молчком, думает он

Когда я был маленький, говорит он

и смотрит на нее

Да, говорит она

и смотрит на него, и в ее голосе слышатся вроде как облегчение и надежда, а он все равно сидит, не говоря больше ни слова, и она спрашивает, что он хотел сказать

Когда ты был маленький? – говорит она

Да, я тогда временами жил в доме возле детской площадки, почти такой же, как эта, говорит он

А-а, говорит она

Кажется, будто детская площадка та самая, говорит он

Странно как-то, говорит он

Ведь мне кажется, будто детская площадка та самая, говорит он

Но здесь поблизости нет никакого серого каменного дома, верно? – говорит она

Да, площадка не та, конечно же, не та, говорит он

Просто так кажется? – говорит она

Да, говорит он

и оба опять умолкают, она опять смотрит в пространство перед собой, а он перед собой

Дом был маленький, серый такой каменный домишко, говорит он

а она сидит на качелях, он – на скамейке, оба не двигаются и молчат, потом она говорит, что разве он вырос не в маленькой усадьбе, в маленькой усадьбе на берегу Хорда-фьорда, в маленькой усадьбе с фруктовым садом, говорит она, и он говорит, что да, так и есть, а в маленьком каменном домишке он жил только изредка, когда они навещали маминих родителей, его деда и бабу, это они жили в каменном домишке, возле такой вот детской площадки, говорит он, ну а мне становится ясно, что я должен избавиться от этой картины, следующая работа, которую я начну, будет про этих двоих, я нарисую обоих и избавлюсь от них, напишу на фоне моего собственного внутреннего образа, тогда, если все получится, если я справлюсь, картина исчезнет, перестанет тревожить меня, оставит в покое, перестанет являться мне, а иначе, я знаю, будет снова и снова возникать в памяти, но, вероятно, я уже писал эту картину или какую-то похожую, почти в точности такую же, как та, какую вижу сейчас, но в таком случае надо написать еще раз и избавиться от нее, надо писать снова и снова и избавляться, думаю я, а сейчас пора ехать дальше, нельзя этак вот сидеть в машине и глядеть на двух людей, которые не знают, что я гляжу на них, думаю я, и меня охватывает досада, печаль, да, на меня накатывает печаль, невесть откуда, отовсюду, и кажется, будто печаль вот-вот задушит меня, будто я вдыхаю печаль и не могу ее выдохнуть, и я молитвенно складываю ладони, делаю глубокий вдох и говорю про себя *кирие*, медленно выдыхаю и говорю *элейсон*, делаю глубокий вдох и говорю *Христе*, медленно выдыхаю и говорю *элейсон*³, повторяю снова и снова, и дыхание и слова не дают мне наполниться печалью, страхом, внезапным страхом, той печалью, что от страха внезапно охватила меня и теперь властвует надо мной, заставляя почувствовать мою ничтожность, но ничтожность эта все же существует, прочная, непоколебимая, и становится

³ Кирие элейсон (*греч.*) – Господи помилуй.

заметной лишь в своем движении без движения, и я делаю глубокий вдох и говорю про себя *кирие*, медленно выдыхаю и говорю *элейсон*, дышу из сокровенной глубины своего существа, стараюсь дышать из сокровенной глубины своего существа, делаю глубокий вдох и говорю про себя *Христе*, медленно выдыхаю и говорю *элейсон*, стараюсь дышать из сокровеннейшей глубины своего существа, из того образа, который живет там и о котором я ничего сказать не могу, стараюсь дышать из своего сокровенного «я», чтобы не подпускать печаль или хотя бы держать ее в узде, не позволяя страху завладеть мной, парализовать меня, и я чувствую, что внезапная печаль, внезапный страх, накатившие на меня, уменьшаются, а я увеличиваюсь, и думаю, что порядком смешон и если бы кто увидел меня, то посмеялся бы до слез, ну как же: человек сидит в машине, припаркованной на съезде, и твердит *кирие элейсон*, *Христе элейсон*, тут волей-неволей рассмеешься, ну и пусть себе смеются, ведь это помогает! помогает! теперь я опять чувствую себя спокойнее, опять гляжу на тех двоих на детской площадке и думаю, что пора ехать домой к жене и ребенку, они ведь ждут меня, но я на пути на Дюльгю, это же дорога на Дюльгю? конечно, мне надо ехать на Дюльгю, куда же еще? и поеду я к жене и к ребенку, ну вроде как к жене и ребенку, нет, о чем это я думаю? не-ет, сейчас мне надо на Дюльгю, в старый дом, где я живу, живу один, так уж оно вышло, а потом думаю, что поеду домой к жене и ребенку, и может быть, там все и будет, как я думаю? я бы вправду охотно туда поехал? охотно поехал бы домой к жене и ребенку? Избежал бы возвращения в пустой дом, в холодный и пустой дом? избежал бы возвращения в свое одиночество? а потому думаю, что поеду домой к жене и ребенку, хоть и вернусь в пустой дом, в холодный дом, но ведь я, кажется, не погасил одну печку? и все равно хорошо вернуться домой, в мой милый старый дом, нельзя и дальше сидеть тут, в машине, на съезде, думаю я и смотрю на детскую площадку, уже изрядно стемнело, и я вижу, что молодой человек в длинном черном пальто поднялся, стал за спиной молодой женщины и берется за канаты, на которых укреплено сиденье из посереженной деревянной доски, где сидит она, и тихонько отводит его назад

Нет, говорит она

Я не хочу качаться, говорит она

Ведь я не ребенок, говорит она

а он отпускает канаты, и она качается вперед

Перестань, говорит она

и качается назад

Перестань, перестань, кричит она

а он знает себе продолжает, ловит ее и толкает вперед, с каждым разом все сильнее, она раскачивается все быстрее, туда-сюда, и он думает, что если ей не хочется качаться, то можно просто упереться ногами в землю и затормозить, чего проще-то, она же в туфлях, но она не тормозит качели

Не хочу я качаться, говорит она

Зачем ты раскачиваешь меня, если я не хочу? – говорит она

Я тебя не просила, говорит она

Не говорила, что хочу покачаться, говорит она

Не хочу я качаться, говорит она

Ты раскачал меня, будто не имеет значения, хочу я или нет, говорит она

а он продолжает ловить ее и отталкивать и думает: зачем он это делает? зачем толкает ее с каждым разом все сильнее? каждый раз прилагает все большее усилие, и она то летит вперед, то возвращается к нему, и он опять толкает ее, туда-сюда, туда-сюда

Я не хотел тебя обидеть, говорит он

и толкает со всей силы, качели летят вперед, она кричит, юбка развевается, черные волосы реют за спиной, она кричит, кричит, чтобы он немедленно прекратил, ей совсем не

нравится, он в самом деле должен прекратить, она боится, не на шутку боится, может ведь упасть с качелей, кричит она, хватит, довольно, она больше не хочет

Прекрати, кричит она

Но тебе же нравится? – говорит он

Нет, прекрати, говорит она

Нравится, говорит он

А вот и нет, говорит она

А вот и да, говорит он

а она говорит нет, вдруг она упадет, прямо на самом взлете, а он опять толкает, со всей силы, что есть мочи, и она летит прочь, черные волосы реют за спиной, когда она взлетает вверх, юбка развевается, и она кричит, какой-то жалобный крик срывается с ее губ на высшей точке, она кричит громче прежнего, а на пути вниз и назад черные волосы летят по бокам и вперед, и она кричит: нет-нет, прекрати, мне не нравится, я боюсь, прекрати, прекрати сейчас же

Нет, тебе нравится, говорит он

и когда она возвращается, он вновь толкает качели, что есть мочи толкает, и она летит вперед, вверх, но уже не кричит, начинает помогать, на самом верху сгибает колени и всем телом резко откидывается назад, и качели летят назад быстрее, а когда они отлетают дальше всего, она вытягивает ноги вперед и, когда он толкает ее в спину, как бы кидается вперед, и скорость возрастает, она летит все дальше, все выше, каждый раз все дальше вперед, все выше

Быстрее, кричит она

Толкай сильнее, кричит она

Толкай во всю силу, кричит она

и она запыхалась, голос звучит с хрипотцой, и он толкает качели что есть силы

О-о, кричит она

Вот так, давай, кричит она

Вот так, во всю силу, кричит она

а он думает, что толкнуть сильнее уже не может, на большее не способен, все силы уже выложил, начинает уставать, так он думает

Ну, давай сильнее, кричит она

и он толкает, не так сильно, но ровно, каждый раз примерно с одинаковой силой, ровно, они вошли в размеренный ритм, вверх-вниз, качели равномерно качаются взад-вперед, и она кричит: до чего же здорово, до чего замечательно, аж в животе щекочет, не останавливайся, продолжай, лови и отталкивай, теперь все хорошо, в таком вот ритме, вперед-назад, говорит она, еще немножко, говорит она, а теперь толкни разок-другой со всей силы, ну, еще разок-другой толкни, кричит она, но уже негромко, негромко уже кричит, что в животе щекочет, так приятно щекочет во всем теле, во всем ее существовании, только вот страшно, ужас как страшно, жутко даже, но и приятно тоже, очень приятно, восклицает она, тихо и с трудом переводя дух

Ну давай, толкни что есть мочи, кричит она

Давай, кричит она

Еще разок-другой, и хватит, кричит она

а он думает, что уже хватит, ведь этак вот стоять да толкать тоже скучно, вдобавок все больше темнеет, и сперва она не хотела, чтобы он ее раскачивал, а теперь не хочет, чтобы останавливался, наверно, вправду так оно и есть, думает он и отступает немного назад, меж тем как качели летят к нему

Толкай, толкай меня в спину, кричит она

а он отступает еще дальше назад

Не можешь? – говорит она

и он толкает, и она помогает изо всех сил, крепко-крепко цепляется за канаты и летит вперед, а на самом верху кричит «о-о-о» и опять летит вниз и назад

Как здорово, кричит она

Еще, кричит она

а он смотрит на нее, потом бежит к качелям и со всей силы толкает

Да-а, кричит она

долго кричит, нараспев, кричит «да-а» снова и снова, потом уже медленнее

Сперва ты не хотела качаться, говорит он

Не решалась я, говорит она

А теперь не хочешь перестать, говорит он

Да, мне нравится, говорит она

Но теперь уж хватит, накачалась, говорит он

Это же здорово, совершенно замечательно, говорит она

а качели раскачиваются с все меньшим размахом, взад-вперед, вверх-вниз, взад-вперед

Сперва я боялась, а потом уже нет, говорит она

Так часто бывает, говорит он

Здорово было, говорит она

а качели вот-вот остановятся, тихонько покачиваются взад-вперед, и она говорит, что в детстве никогда не решалась качаться, очень уж ей было страшно, ну, иногда качалась, конечно, но совсем чуть-чуть, как сейчас, чуть вперед, чуть назад, а он говорит, что, наверно, зря так сильно ее раскачивал, а она говорит, что, наоборот, правильно делал, ей понравилось, хоть она и твердила, что ей не нравится, на самом деле ей нравилось, говорит она, и он отвечает, что, пожалуй, люди часто говорят одно, а в виду имеют совсем другое, иной раз прямо противоположное, а она говорит, что не знает, часто ли так бывает, но, по крайней мере, с нею нынче, когда она качалась, было именно так, а качели меж тем все качаются, и он берется за канаты и тормозит, держит, пока качели не замирают, и он просто стоит за спиной у молодой женщины, а она просто сидит, потом смотрит на него

Здорово было, говорит она

Хоть мы и взрослые люди, говорит он

Во всяком случае, почти взрослые, говорит она

Чутьочку взрослые, во всяком случае, говорит он

Ага, чутьочку, говорит она

и он осторожно толкает качели, выпускает канаты из рук

Чутьочку взрослые, говорит он

Это уж как посмотреть, говорит она

а качели сами по себе качаются, взад-вперед, совсем немножко, но вверх-вниз, медленно уже, медленно взад-вперед

Во всяком случае, скоро повзрослеем, говорит она

Да, говорит он

и снова берется за канаты, останавливает качели

Темнеет, говорит он

Пока что не совсем темно, говорит она

Последний разок? – говорит она

и он опять берется за канаты, отходит назад и тянет качели за собой, отходит как можно дальше, поднимает ее как можно выше и бежит вперед, не отпускает канаты, а она кричит, нет-нет, больше не надо, не так сильно, не так быстро, не могу больше, не надо, кричит она, о-о нет, нет, не надо, кричит она, и он отходит от качелей

Не так сильно, кричит она

Это уж слишком, кричит он

О-о-о, кричит она

а он останавливается, смотрит на нее, видит, как она качается взад-вперед, вверх-вниз, но все медленнее, потом сама старается немного раскачаться, взад-вперед, вверх-вниз, замедляет движение, качели лишь чуть покачиваются взад-вперед, и он отходит от них еще дальше

Ты куда? – говорит она

Да никуда, говорит он

Но ты идешь к калитке, уходишь? – говорит она

Нет-нет, говорит он

Никуда я не уйду, но скоро совсем стемнеет, может, пойдем домой? – говорит он

Погоди, пока качели совсем не остановятся, говорит она

и ставит ноги на землю, тормозит, качели останавливаются, а она смотрит на него, улыбается и говорит, что очень уж было здорово, она, мол, с детства не качалась на качелях, а в ту пору не очень-то и любила, трусиха была, вечно всего боялась, когда была маленькой девчонкой, говорит она

Не решалась качаться? – говорит он

Только немножко, говорит она

Ну да, говорит он

Вообще-то я не решалась, а когда все-таки качалась немножко, то просто чтобы решиться, говорит она

и добавляет, что такой была в детстве, потом оба умолкают, а немного погодя она спрашивает, не боялся ли он качаться, когда был маленький

Ты не боялся? – говорит она

и он кивает, а она слезает с качелей, идет к нему, и он видит, что теперь ее длинные черные волосы спадают вниз, и она поднимает к нему лицо, с полуоткрытыми губами, и он тянется к ней губами, и их губы встречаются, чуть-чуть

Очень осторожный поцелуй, говорит она

а он кладет ладонь на ее волосы, вернее, держит ладонь над самыми волосами, и они обнимают друг друга, прижимаются друг к другу, он опускает ладонь на ее волосы и гладит эти длинные черные волосы, вверх и вниз, а она кладет голову ему на плечо, и я вижу, как они стоят, с виду неподвижные, будто картина, стоят, будто еще одна из тех картин, какие я не в силах забыть, будто картина, которую я напишу, напишу, чтобы избавиться от нее, напишу такими, какими вижу сейчас, думаю я, ведь сейчас от них словно бы исходит свет, когда они стоят, вплотную друг к другу, как бы сливаясь в одно, два человека, как бы ставшие одним целым, до того тесно жмутся они друг к другу, а между тем вечереет, и тьма опускается на них, будто снег, будто снежинка за снежинкой, но одновременно будто целостная, неразделимая тьма, не куски тьмы, а этакий темнопод, и чем темнее становится, тем больше света от них исходит, да-да, от них исходит свет, я вижу его, и, хотя этот свет, наверно, увидеть нельзя, его все же можно увидеть, ведь и от человека может исходить свет, в особенности от глаз и большей частью на краткий миг, вспышкой незримого сияния, но от них двоих исходит ровный спокойный свет, постоянный, неизменный, кажется, будто этот свет – они сами, вот так они исходят светом, единым светом, думаю я, а он замечает, что она теперь почти сплошь свет, такое у него ощущение, думает он, стоя там, но не глупо ли так думать? он стоит, обнимает женщину из плоти и крови и думает, что она свет, вот ведь глупость, думает он, впрочем, большим умом он никогда не отличался, но у него такое ощущение, будто он обнимает свет; странно, думает он, ну можно ли так думать, обнимая друг друга, она обнимает его, а он ее, нет, глупость это, думает он, прямо-таки не по-мужски, думает он, потому что никакой она не свет, а женщина из плоти и крови, и формы у нее как у женщины из плоти и крови, никакой она не свет, она женщина, его любимая, а никакой не свет, думает он, и я вижу, как они разжимают объятия и идут чуточку врозь, и я вижу, что тьма как бы чуточку отступает перед ними и

они стоят, словно вырезанные из тьмы, чуточку врозь, и вид у них немного усталый, и он думает, что нельзя думать, будто она свет, глупо ведь, подобные мысли не в меру высоки и пусты, думает он, берет ее за руку, и они идут к другим качелям, выпускают руки друг друга, и она садится с одного конца, лицом к косогору, где на серой земле виднеются пучки травы, а он опускает качели с другого конца немного вниз, она помогает, отталкивается ногами, и он одной ногой перешагивает через доску, наступает на косогор, садится верхом на доску, которая упирается в землю, а она поджимает ноги и свободно сидит наверху, в воздухе

Как здорово снова парить в воздухе, говорит она

По-моему, мы опять стали детьми, говорит он

Мы сами делаем друг друга детьми, говорит она

Я словно опять девчонка, либо парю в движении, как на тех качелях, либо, вот как сейчас, свободно вишу в воздухе, говорит она

Все дети любят очутиться в воздухе, говорит она

И все взрослые дети, говорит он

Да, наверно, говорит она

По крайней мере, мы, говорит он

По крайней мере, сейчас, говорит он

Но сейчас мы болтаем чепуху, говорит она

Даже неловко, говорит она

и он, оттолкнувшись от земли, поднимается в воздух, а она опускается к земле, отталкивается и поднимается в воздух, а он опускается вниз

Все любят парить, говорит он

и опускается к земле и снова отталкивается

И находится в равномерном движении, говорит он

а она опускается к земле и снова отталкивается

Как дыхание, говорит он

и, опустившись к земле, отталкивается

И как биение сердца, говорит она

и, опустившись к земле, отталкивается

Быть в одном движении, говорит он

и, опустившись к земле, отталкивается

Быть вместе в движении, говорит она

и, опустившись к земле, отталкивается

Быть в одном движении, говорит он

и, опустившись к земле, отталкивается

Как волны, говорит она

и, опустившись к земле, отталкивается

Как волны одного моря, говорит она

а он опускается к земле и отталкивается

Как мы двое, говорит она

и, опустившись к земле, отталкивается

Как ты и я, говорит он

и, опустившись к земле, отталкивается

Как мы, говорит она

и, опустившись к земле, отталкивается, а он не отталкивается, своей тяжестью удерживает качели внизу, сидит верхом на доске, упершись ногами в землю, меж тем как она, болтая ногами, висит в воздухе

Вот так и должно быть, говорит она

Наверно, говорит он

и отталкивается от земли, а она опускается вниз, касается ногами земли
И так тоже, говорит она
и отталкивается
Так тоже, говорит он
и вот так они сидят, он внизу, она наверху, в воздухе
Когда ты был маленький, говорит она
Да, говорит он
Летом, в каникулы, ты жил в каменном домике, в сером, говорит она
Ты только что рассказывал, говорит она
Да, говорит он
Но вырос ты в маленькой усадьбе, у вас там были сарай и лодка, да? – говорит она
Да, говорит он
И твои родители до сих пор там живут? – говорит она
Да, говорит он
И там есть фруктовый сад? – говорит она
Да, я же рассказывал, говорит он
Да, говорит она
И не раз, говорит он
и оба сидят, не говоря ни слова
Почему ты опять об этом спрашиваешь? – говорит он
Не знаю, говорит она
Вот как, говорит он
А мы не можем в ближайшее время туда съездить? – говорит она
но он молчит
Проведать твоих родителей? – говорит она
Тебе не хочется? – говорит она
Ну... – говорит он
помедлив, будто не хочет говорить об этом
Не хочется? – говорит она
Съездить-то можно, говорит он
Там хорошо, в Бармене, говорит он
И усадьба расположена красиво, у самого Хорда-фьорда, а по Хорда-фьорду так здорово
плавать на лодке, говорит он
Да, ты рассказывал, говорит она
И на море тебе нравится, говорит она
Да, всегда нравилось, говорит он
и оба умолкают, просто сидят на качелях
Все-таки надо нам как-нибудь туда съездить, говорит она
И было бы приятно познакомиться с твоими родителями, говорит она
Я не очень-то с ними общаюсь, говорит он
Ну как же, ты и твоя мама, говорит она
и осекается
Не будем об этом, говорит он
и оба опять умолкают, долго сидят молча, а я думаю: почему они там сидят? будто ока-
менели, и оба вроде как смотрят в сторону, будто устремили взгляд на что-то рядом с собой,
и как только им удастся сидеть так смирно, притом долго, как такое вообще возможно, думаю
я, а она смотрит на него
Если хочешь, давай уйдем, говорит она

а он молчит, и она спрашивает, будет ли он завтра снова писать, и он отвечает, что, конечно же, будет, завтра, как и каждый день, ведь с двенадцати лет или, во всяком случае, примерно с двенадцати, дня не проходило, чтобы он не рисовал или не писал красками, так получается само собой, ну, выходит, будто в какой-то мере все это – он, будто картины его продолжение, говорит он и, помолчав, добавляет, что это слишком уж громко сказано, он просто занимается живописью, каждый день, пожалуй что по давней привычке, а она говорит, что, наверно, так и есть, но в голосе ее сквозит легкое недовольство, думаю я, будто его слова ей не вполне по душе, а он говорит, что картина, над которой он сейчас работает, может получиться вполне хорошей, однако очень уж трудно сделать все как надо, тут необходима предельная осторожность, ведь легко переусердствовать и испортить всю картину, а тогда, наверно, будет крайне затруднительно вернуться к тому хорошему, что в ней было, к тому, что картина хочет сказать, что может сказать, ведь вообще-то высказать это невозможно, картина одновременно и говорит что-то, и не говорит, она говорит безмолвно, скорее просто показывает то, что невозможно сказать, говорит он, а я думаю, что теперь-то мне пора домой, поздно уже, пора ехать дальше, продолжить путь, думаю я, и она говорит, что совсем стемнело, пожалуй, пора идти домой, говорит она, а он соглашается и спрашивает, хорошо ли ей там, наверху, и она отвечает, что да, обзор у нее превосходный, хоть кругом и темно, во всяком случае, ей видно лучше, чем ему, сидящему внизу, говорит она, ну а что видит она лучше, чем он, отнюдь не новость, он может писать сколько угодно, темно ли, светло ли, все равно она видит лучше, видит реально существующее, он же видит лишь ту или иную картину либо ту или иную вещь, говорит она, а он вдруг резко отталкивается от земли, словно рассердился или вроде того, думаю я, и она опускается к земле и кричит, протяжно, негромко, а он отрывает одну ногу от земли, встает и слезает с качелей, руками медленно опуская доску, и вот уж она надежно сидит внизу, он подходит к ней, протягивает руку, она берет его руку и тоже встает, и оба стоят рядом, а я думаю, что мне в самом деле пора домой, скоро окончательно стемнеет, а я все сижу, глядя на детскую площадку, где молодая женщина и молодой мужчина развлекаются и играют, словно дети, и теперь уже так темно, что я едва их различаю, или все это видится мне лишь в воображении? а их вовсе нет? я просто воображаю себе, что они здесь? да нет же, конечно, я их видел и вижу сейчас, думаю я, это бесспорно, но, может, надо выйти из машины и проветриться? подышать свежим воздухом? тоже спуститься на детскую площадку? хотя, думаю я, пожалуй, все-таки не стоит? если спускаться, то прямо сейчас, пока совсем не стемнело, думаю я, да и что тут странного, если человек вылезает из машины, хочет пройтись? ведь к площадке и мимо нее ведет тропинка, сбегает от шоссе вниз, мимо детской площадки и, как я вижу, вверх по крутому склону, так что мне совсем не нужно заходить на площадку, я могу просто пройти мимо, словом, сейчас надо либо ехать домой, либо выйти из машины и прогуляться, думаю я, выхожу из машины и стою, глядя по сторонам, выше дорога круто идет в гору, потом выравнивается и опять идет в гору, а там, на самом верху, мне видно небо, и звезды, тускло мерцающие звезды, и шоссе, узкое шоссе под обрывистым склоном, потом крутой спуск вниз к детской площадке, и по нему вниз к площадке и мимо нее вьется тропинка, прямо за площадкой идет круто вверх и исчезает за вершиной, и это странно, ведь до сих пор я не замечал тропинку, ведущую вниз к площадке и продолжающуюся вверх по крутому склону, думаю я и, стоя там, гляжу вниз, на площадку, и вижу, что он и она стоят там впотьмах, едва различимые, но я вижу, что они неподвижны и держат друг друга за руки, все-таки, думаю я, хорошо, что я вышел из машины и вдохнул немного свежего воздуха, я чувствую его приятную, бодрящую прохладу и, конечно, могу, как любой другой, свободно пройтись по обыкновенной тропинке, думаю я, ну ясное же дело, но я-то свободой не располагаю, потому и совершаю снова и снова одни и те же поступки, думаю я и иду к тропинке, потом по ней вдоль детской площадки и гляжу на этих двоих на площадке, а они, похоже, меня не замечают, стоят обнявшись, будто слившись в

одно, он обнимает ее, она его, они неотделимы друг от друга, но вот они разжимают объятия, и я мелкими шажками иду по тропинке

Совсем стемнело, говорит она

Да, осень, говорит он

Скоро зима, говорит она

Пока что есть время до зимы, говорит он

Да, говорит она

Мы только в песочнице еще не побывали, говорит он

По-твоему, нам надо поиграть в песочнице? – говорит она

и в голосе ее слышится легкое удивление

А почему бы и нет? – говорит она

Но мы же перепачкаемся песком, говорит он

А не все ли равно? – говорит она

Пожалуй, говорит он

Одежду перепачкаем, говорит он

а она говорит, что одежду можно снять, и снимает куртку, стягивает через голову свитер и стоит в одном бюстгальтере и лиловой юбочке, а каково сейчас стоять почти раздетой, холодно ведь, думаю я, между тем она тянет его за собой к песочнице, я же иду медленно, шаг за шагом, вниз по тропинке, думая, что все это просто в голове не укладывается, и тихонько пройду мимо площадки вверх по круче, на вершину, гляну, что там, на другой стороне, а потом поверну обратно, пора ехать домой, скоро окончательно стемнеет, думаю я, стараясь не смотреть на этих двоих, но вижу, как они рука об руку идут к песочнице, останавливаются, и она расстилает на песке свою куртку и свитер

Мы снова дети, говорит она

И будем делать все, что заблагорассудится, говорит она

Да, мы дети, говорит он

Непослушные дети, которые делают все, что заблагорассудится, говорит она

и она ложится на песок, на свою куртку и свитер, и лежит там в бюстгальтере и лиловой юбочке, черные волосы ее рассыпаются вокруг, и она говорит, чтобы он тоже разделся

Нет, так нельзя, говорит он

Можно, говорит она

Нас могут увидеть, говорит он

Уже почти совсем темно, говорит она

Ну, давай, говорит она

и она подтягивает лиловую юбочку повыше и говорит, чтобы он тоже разделся и лег рядом, потому что холодно и он ее согреет, говорит она, а он говорит, что предупреждал, раздеваться слишком холодно, а она говорит: да ладно, иди сюда, и он отвечает, что так нельзя, дескать, их могут увидеть, ей надо одеться, сию же минуту, говорит он, а она повторяет, что уже почти совсем темно, никто их не увидит, иди сюда, ну, иди же, говорит она, и он говорит, что раз она просит, то он, пожалуй, выполнит ее просьбу, говорит он, ставит коричневую сумку подле песочницы, снимает длинное черное пальто, ложится на нее и укрывает их обоих своим пальто, так что, кроме пальто, ничего не видно, но на это, на это я смотреть не вправе, да, не вправе, думаю я, и происходит ли это на самом деле? или мне только грезится? или это случилось когда-то со мной? не я ли сам лежу там в песочнице, на ней, не мое ли длинное черное пальто укрывает нас обоих? ведь разве именно так, думаю я, не случилось когда-то? но все равно я не вправе смотреть на происходящее, думаю я и иду дальше, тихонько, тише уже не могу, медленно иду дальше вниз по тропинке, не хочу, чтобы эти двое меня заметили, не хочу их тревожить, пусть они будут одни, в своем мире, и теперь я вижу только пальто в песочнице, а может, и пальто не вижу? может, все вместе просто плод моего воображения? ну надо

же, думаю я, но мне нельзя на это смотреть, запрещено это видеть, теперь, теперь надо повернуть обратно, думаю я, и вернуться к машине, ведь это вот происходит наяву? или мне только кажется? я просто вспоминаю случившееся когда-то, случившееся со мной самим? причем наверняка очень давно, ведь я не могу это помнить, но разве не я лежу там, в песочнице, под своим длинным черным пальто? и разве не это самое пальто по-прежнему на мне? старое доброе длинное черное пальто? а она лежит там подо мной, и мое длинное черное пальто укрывает нас обоих? разве это не я? разве не мы? разве это не я в какой-то момент прошлого? или все происходит сейчас, думаю я, в реальности, прямо у меня на глазах, на детской площадке? я останавливаюсь, уже совсем темно, непроглядная тьма, но чутьем, которое позволяет мне видеть во тьме, я вижу, угадываю, что эти двое лежат в песочнице, и оттуда отчетливо доносится дыхание и слышны их равномерные движения, словно волны, плещущие о берег, я слышу равномерный плеск волн, вперед и назад, снова и снова, все – одно движение, одно дыхание, вдох-выдох, и биение сердец, двух сердец, что стучат рядом в песочнице, и моего собственного сердца, которое знай себе бьется, и в ровном ритме, словно в ритме волн, я поднимаюсь к шоссе и к своей машине, а с детской площадки слышны движения, волны прибоя, вперед и назад, и я иду в том же ритме, шаг за шагом, и теперь мне нельзя оборачиваться и смотреть на эту парочку, думаю я, продолжаю идти, но вот больше не слышу движений из песочницы, смотрю туда и вижу, что теперь молодой человек стоит в песочнице в спущенных брюках, а молодая женщина по-прежнему лежит под черным пальто, в руках у молодого человека игрушечное ведерко, он наполняет ведерко песком и сыплет песок на пальто, на нее, наполняет ведерко и высыпает, покрывает и пальто, и ее песком, нет, просто уму непостижимо, он вправду сыплет песок на нее, лежащую под его пальто, сыплет из ведерка, которое кто-то из детворы забыл в песочнице и... нет, недосуг мне смотреть, надо ехать домой, на Дюльгю, не могу же я этак вот бродить в потемках и смотреть, как молодой человек стоит подле молодой женщины, лежащей под его длинным черным пальто, и сыплет на пальто песок, ведерко за ведерком, думаю я, но я не в силах отвести взгляд от этих двоих в песочнице и вижу, как он ведерко за ведерком сыплет на нее песок, потом наконец подтягивает и застегивает брюки, снимает с нее пальто, с которого сыплется песок, и она встает, приводит в порядок одежду, поднимает свитер и куртку, стряхивает с них песок, а он стряхивает песок с длинного черного пальто и надевает его, потом вешает на плечо коричневую сумку и вроде как собирается уходить

Иди сюда, говорит она

и смотрит на него

Не уходи, говорит она

Не уходи так скоро, говорит она

Иди ко мне, говорит она

и протягивает к нему руку, и он подходит к ней, берет за руку, и оба стоят так некоторое время

Пойдем? – говорит он

Да, говорит она

и раскидывает руки, обнимает его, привлекает к себе, я же отворачиваюсь и иду дальше к шоссе, а она говорит: милый, милый мой мальчик, а он говорит: милая девочка моя, милая добрая моя девочка, милая моя девочка, а она говорит, что уже холодно, и он соглашается: что правда, то правда, холодно, он замерз как цуцик, даже в пальто, говорит он, а я иду, медленно, изо всех сил стараясь не шуметь, и опять смотрю на детскую площадку и вижу длинные черные волосы молодой женщины, они покрывают всю ее спину, почти до бедер, а он просто стоит выпрямившись, и его каштановые волосы до плеч взъерошены и торчат во все стороны, а ее волосы сбегает по спине, и она приближает свое лицо к его, свои губы – к его, целует его в губы и говорит, что на его пальто еще ужас сколько песку

Да, говорит он

и тихонько смеется
Вообще на нас обоих, говорит он
Ты ведь почти засыпал меня, говорит она
Да, говорит он
Почти совсем меня закопал, говорит она
Только почти, говорит он
и они вроде бы не знают, что делать и что говорить
Совсем темно стало, говорит он
И холодно вдобавок, говорит она
Да, холодно, говорит она
Да, говорит он
Надо идти домой, говорит он
и она кивает, и они чуточку врозь идут прочь, и она смотрит на него, а он на нее
Ты ведь Асле, говорит она
А ты Алес, говорит он

и они улыбаются друг другу, смущенно так улыбаются, и она говорит: надо же, раздеться донага впотьмах да на холоду, говорит она, ну в самом деле, раздеться донага поздней осенью, впотьмах да на холоду, мало того, лечь нагишом в песочницу, говорит она, и он согласно кивает: да, но теперь пора домой; ну, домой так домой, можно и так сказать, смеется она, по крайней мере крыша над головой, говорит она, пусть даже дом сущая развалюха, говорит он, почти трущоба, говорит она, его даже толком не натопишь, говорит он, но хотя бы крыша над головой, говорит она, а он говорит, что, как придут домой, надо будет хорошенько вычистить от песка одежду, и они просто стоят, держась за руки

А если можно, то и выстирать, говорит она
Вдобавок надо хорошенько отчистить от песка тебя самого, говорит она
Совсем мы поглупели, говорит она
Н-да, все это не больно умно, говорит он
Вдруг кто-то нас видел, говорит она
Н-да, говорит он
По-моему, вон там, на съезде, стоит автомобиль, говорит он
Нет, говорит она
Да, говорит он
Холодно, пора идти домой, говорит она
В тот дом, какой у нас есть, говорит он
Там хотя бы немножко теплее, говорит она
Немножко, пожалуй, говорит он
Но, по крайней мере, это наш дом, говорит она
И хорошо, что у нас есть крыша над головой, говорит он
И что нас двое, что мы есть друг у друга, говорит она
Верно, говорит он
и она поднимает к нему лицо, и они быстро целуются
Мы есть друг у друга, говорит она
В глубочайшей тьме мы есть друг у друга, говорит он
Мы вместе, говорит она
В горе и в радости, говорит он
Всегда, говорит она
Всегда нас двое, ты и я, говорит он
Асле и Алес, говорит она
Алес и Асле, говорит он

Всегда, всегда только мы двое, ты и я, говорит она
Вот именно, говорит он

а поскольку стало совсем темно и я вернулся к машине, то сажусь за руль и смотрю прямо перед собой, откидываюсь на спинку сиденья, кладу голову на подголовник и смотрю прямо перед собой, но вижу теперь лишь тьму, лишь черную тьму, крошечный мрак и думаю, что машина припаркована на съезде возле побуревшего домишка, где когда-то жили мы с Алес, и я остановился передохнуть, потому что устал, думаю я, и мне тотчас хочется помолиться, ведь почти каждый день я трижды читаю молитву, которую составил сам, первый раз утром, второй – в полдень, третий – вечером, иначе говоря, на утреню, на сексту и на вечерню, а молюсь я по четкам из коричневых деревянных бусин, пять десятков бусин, с промежутками, так что в целом они длинные, одна бусина – и промежуток, потом три – и опять промежуток, одна – и промежуток, а в самом низу крест, эти четки я всегда ношу на шее, это подарок Алес, она и научила меня молиться по четкам, до встречи с нею я вроде бы и слова «четки» не слышал, думаю я, хотя нет, один раз слышал и, помнится, заинтересовался тогда, что оно может означать, но теперь четки всегда у меня на шее, наподобие украшения, и я всегда читаю про себя два-три раза Отче наш на латыни и по-норвежски, и вижу перед собой все молитвы как картины, ни одну из молитв я наизусть не заучивал, но помню их, потому что вроде как вижу перед собой, я с легкостью запоминаю и написанное, хотя стараюсь этого не делать и оттого вижу мало что из написанного, поскольку дело тут обстоит иначе, нежели с картинами, тут я сам решаю, запоминать написанное или нет, думаю я, а еще думаю, что обычно три раза читаю Ave Maria и непременно один раз Gloria Patri⁴, а молюсь на латыни или в собственном переводе на новонорвежский, и молитвы мои, смотря по обстоятельствам, всегда немножко разные, однако часто это Символ веры, краткий апостольский, который, говорят, читали апостолы, или, во всяком случае, похожий, и тогда я читаю его про себя первым делом, до Pater Noster, а длинный Символ веры, никейский, я вижу лишь в отрывках, *Свет от Света, Lumen de Lumine, видимого и невидимого, visibilium omnium et invisibilium*, а иной раз под конец целиком Salve Regina⁵, и иной раз мне удастся совсем успокоиться и молиться, не думая ни о чем, я просто предаю себя спокойствию и могу попросить о чем-нибудь, но почти всегда я читаю молитвы о заступничестве, молюсь о других, почти никогда о том, что касается меня самого, а, скажем, о том, что я могу сделать, дабы настало Царствие Господне, например писать картины, каждая из которых на свой лад связана с Царствием Божиим, и я всегда осеняю себя крестным знамением перед молитвой и после и говорю *во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь* или *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti Amen*, утром же молюсь коротко, нередко лишь осеняю себя крестным знамением, в середине дня читаю самую длинную молитву, а вечером часто погружаюсь в грезы, читая Иисусову молитву, и тогда говорю про себя *Господи Иисусе Христе*, произношу каждый слог либо на глубоком вдохе, либо на медленном выдохе, так же я поступаю, когда говорю *Помилуй меня грешного*, снова и снова повторяю эти слова или же снова и снова повторяю про себя *Domine Iesu Christe Fili Dei Miserere mei peccatoris*⁶, глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, но эту молитву я почти всегда читаю по-новонорвежски, неведь почему, думаю я и погружаюсь в грезы, а потом засыпаю либо на этой молитве, либо на Ave Maria, думаю я, и во всех своих молитвах я ищу покоя и смирения, думаю я, мира Божия, думаю я, берусь обеими руками за четки, вытаскиваю их из-под свитера и снимаю через голову, сижу с четками в руках, держу крестик между пальцами, большим и указательным, и думаю, что, наверно, спал и грезил, но я не спал и не грезил, думаю я, и все нереально и одновременно реально, все происходило как бы и во сне, и в реальности, я сижу и смотрю во тьму прямо

⁴ Слава Отцу (лат.).

⁵ Славься Царица (лат.) – григорианский распев, один из четырех марианских, так называемых «финальных», антифонов.

⁶ Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного (лат.).

перед собой, она теперь черная, это уже не тьма, я смотрю в черноту и думаю, что пора домой, но сколько же раз я так думал и все равно просто сидел в машине? и я смотрю прямо перед собой и теперь, будто средь бела дня, вижу, как те двое идут ко мне, молодой человек с каштановыми волосами до плеч и молодая женщина с длинными черными волосами, они выходят из тьмы, и кажется, будто от них идет свет, вырезает их из тьмы, словно просветленные они идут передо мной, и лица у обоих умиротворенные и спокойные, они держатся за руки, слились воедино, в одно существо, идут, не обращая внимания ни на меня, ни на мою машину, слишком они заняты друг другом, они друг в друге, погружены друг в друга, в свой мир и проходят мимо машины, во тьме я оборачиваюсь и отчетливо вижу его каштановые волосы до плеч и ее длинные черные волосы, закрывающие спину, вижу, как они медленно пропадают во тьме, исчезают, а я выпускаю из пальцев крестик, надеваю четки на шею, прячу под свитер, осеменяю себя крестным знаменем и говорю про себя *во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь*, запускаю мотор и думаю: нет, всего этого не было, пора домой, думаю я, пора домой к жене и к ребенку, думаю я, выезжаю со съезда на шоссе и думаю, что зря не проведаль Асле, ведь он совсем расклеился, надо было спросить, не пойти ли нам куда-нибудь, надо было, как раньше, поехать с ним в Трактир, он бы хлебнул там пива и спиртного, а я выпил бы чашку кофе с молоком и поел, мы оба могли бы там поесть, обед с пивом ему, обед с водой мне, я-то с выпивкой завязал, раньше пил не в меру, и Алес это не нравилось, не любила она меня пьяного или больше любила трезвого, оттого я и бросил пить, хотя бросил еще и оттого, что под конец пил чересчур много, под конец, сказать по правде, вообще не просыхал, а спьяну я пишу плохо, и вообще-то я никогда не чувствовал, будто мне неважно без пива, вина или спиртного, но в первую очередь дело в ней, в Алес, без нее я бы никогда не покончил с тягой к спиртному, думаю я, и сейчас Алес ждет меня, она и наш ребенок, и я должен ехать к ним, домой, к жене и ребенку, но о чем это я? ведь я живу один, в старом доме на Дюльгье, где некогда жил вместе с Алес, но ее уже нет, она почивает в Бозе, я это явственно чувствую, в самой глубине моей души, ведь она почивает и в глубине моей души, она больше не ходит по земле, но я по-прежнему могу когда угодно говорить с ней, ибо разница, то бишь дистанция, между жизнью и смертью, между живыми и мертвыми не так уж и велика, она лишь кажется непреодолимой, и я вправду каждый день говорю с Алес, говорю почти все время, и часто, да едва ли не всегда, мы говорим без слов, и мне, конечно, недостает ее, но поскольку мы по-прежнему рядом и поскольку недалеко то время, когда я сам уйду туда, к ней, я вполне справляюсь, но хорошо бы поскорее, потеряв ее, я словно потерял в жизни все, едва не покончил с собой, а ребенка у нас никогда не было, только я и она, так почему же я думаю, что мне надо домой к жене и ребенку? наверно, виновата протрация, которая завладевает мной, когда я веду машину, в этой вот протрации такая мысль вполне может возникнуть, но я прекрасно знаю – с ума пока не сошел, – что вернуться мне надо в свой старый дом, на Дюльгю, в дом на маленьком хуторе Дюльгья, где жил все эти годы, я был отнюдь не стар, когда мы там поселились, а Алес еще моложе, сперва мы жили там вдвоем, а потом я много лет жил один, в милом старом доме, и хорошо, хорошо, что у меня есть дом, есть надежный кров, дом, где я чувствую себя защищенным, потому что дом у меня старый, солидной постройки, и я содержу его в порядке, если где-нибудь появлялась гниль, я сразу заменял деревянные детали, и окна все поменял, поставил новые, но точь-в-точь такие же, как старые, а вдобавок вставил изнутри вторые рамы с одним стеклом, чтоб меньше сквозило, так что теперь у меня все окна двойные, стекло снаружи, стекло изнутри, и после того как я поставил новые окна, согреть дом стало намного легче, изготовил окна столяр, который делает окна на заказ, по старым образцам, он и сделал для меня окна тютелька в тютельку как старые, а вставил я их сам, но не в одиночку, Аслеик помог, без его помощи я бы никак не справился, ясное дело, тут надо вдвоем, вместе мы справились, хотя первое окно перекосили, пришлось вынимать и вставлять снова, но со второго захода получилось как надо, а с остальными дело пошло как по маслу, думаю я, Аслеик здорово мне помог, а я ему, если уж на то

пошло, думаю я, ну а теперь самое время возвращаться домой, затопить печку, приготовить поесть, ведь я изрядно проголодался, в самом деле хорошо будет вернуться домой, в милый дом на хуторе Дюльгья, где живет совсем мало народу, люди хорошие, двери домов не запирают, когда уходят куда-нибудь или уезжают, и большинство хуторян прожили там всю жизнь, а вот я, вернее мы, я и моя жена, переехали туда, когда Алес получила дом в наследство после кончины тетки, своих-то детей у старой Алисы, сестры ее отца, не было, и других наследников не нашлось, а поскольку своего жилья мы не имели и жили в холодной побуревшей развалюхе, мимо которой я давеча проезжал, мы перебрались в старый дом на Дюльгье, много лет назад, думаю я, и так там и жили, Алес и я, а потом... нет, об этом я думать не хочу, не сейчас, думаю я и еду на север, и мне нравится вести машину, хотя по городам я ездить избегаю, не люблю, там меня охватывают беспокойство и замешательство, и в городе я за руль по возможности никогда не сажусь, однако ж Бейер, галерист, научил меня ездить до и от Галереи Бейер, она расположена в центре Бергена, а перед ней устроена большая парковка, где я всегда оставляю машину, словом, в Бергене я вполне справляюсь, думаю я, а тем временем добрался уже до Инстефьюра и еду теперь вдоль берега к верховьям Согне-фьорда, я ужас как устал, но когда приеду домой, думаю я, живо заявится Аслеик, н-да, вообще-то Аслеик никогда не вызывал у меня большой симпатии, хотя странным образом потому-то он мне и нравится, думаю я, такое не всегда поймешь, думаю я, но все равно хорошо вернуться домой, только вот зря я в Бергене, в Скутевике, не заехал к Асле, он ведь ужас как дрожал, надо было, как раньше, отвезти его в Трактир, а потом уж ехать домой, на Дюльгью, да он бы прекрасно обошелся в Трактире без меня, наверняка бы вскоре пришел кто-нибудь из его тамошних знакомцев, так что я мог бы и не сидеть с ним за компанию, а вообще-то надо было отвезти его в Неотложку, только он бы нипочем не согласился, как бы я ни уговаривал, в итоге мы бы все равно поехали в Трактир, он седой, длинноволосый, с седой щетиной, и я седой, длинноволосый, с седой щетиной, оба в длинных черных пальто, у обоих волосы стянуты резинкой на затылке, думаю я

Ты выглядишь как девчонка, говорит Аслеик

Вернее сказать, как старуха, говорит он

а я не отвечаю

Нет, никакая я не старуха, помолчав, говорю я

Ну почти, говорит Аслеик

а может, я и впрямь немного похож на старуху, не знаю, думаю я, может, и впрямь немного похож? все-таки, пожалуй, в этом есть доля правды, думаю я, по крайней мере, Аслеик обычно так говорит, ну да, либо так, либо что я похож на русского попа

Ты похож на русского попа, говорит он

Почему это? – говорю я

Просто похож на попа, и все, говорит он

и как он до этого додумался? – думаю я, до дома уже недалеко, фонари хорошо освещают шоссе, я смотрю вперед и вижу Асле, с Браге на коленях он сидит на диване и думает, что надо встать, и выйти из дома, и войти в море, хорошо хоть, все картины, которые будут представлены на следующей выставке в Галерее Бейер, уже завершены, думает Асле, а еще думает, что нельзя ему этак вот сидеть, надо сходить на кухню, хлебнуть чего-нибудь и избавиться от трясучки, думает Асле, смотрит на Браге, который лежит у него на коленях, и думает, что надо выгулять собаку, ей давно пора на улицу, так он думает, а я думаю, что мне надо сосредоточиться на вождении, потому что дорога на Дюльгью узкая и извилистая и, хотя я ездил по ней несчетно раз, осторожность все равно не мешает, думаю я, и до чего же хорошо опять вернуться домой, прикипел я к этому дому, так вышло, и много лет здесь жила и Алес, н-да, здесь и умерла, причем скоропостижно, и ее больше нет, иначе не скажешь, думаю я, и ехать теперь надо медленно, не сводя глаз с освещенного фарами шоссе, а освещают они и кое-что рядом с дорогой, и я медленно еду вдоль Согне-фьорда и думаю, что, бывало, дорогу пересе-

кал олень, а то и не один, или животные неожиданно-негаданно возникали посреди шоссе, или просто скакали по дороге, будто вовсе не замечали рева мотора и света фар, будто это не в счет, будто олени привыкли к реву моторов и к свету фар и не обращали на них внимания, не понимая, как ужасно, если оленя собьет машина, думаю я и сворачиваю с шоссе на подъездную дорогу к своему дому, как хорошо, как же хорошо, думаю я, как хорошо вернуться домой, а дорогу к дому я построил сам, несколько лет назад, денег ушло немеряно, зато как хорошо заехать прямо во двор, а не ставить машину внизу у шоссе, думаю я, дорога, конечно, крутая, но все равно ехать по ней приятно, думаю я и не хочу думать о том, как раньше возвращался домой, когда здесь была она, Алес, с ее длинными черными волосами, как же здорово было тогда возвращаться домой, думаю я, хоть и не хочу думать об этом, не хочу жаловаться, думаю я и огибаю угол, а там, во дворе, не Аслеик ли? ну да, он самый, Аслеик, друг и сосед, стоит во дворе, вроде как встречает меня, по чистой случайности заглянул ко мне, аккуратно когда я возвращаюсь домой, думаю я, останавливаю машину у крыльца и замечаю, что рад видеть во дворе Аслеика, но это все-таки не случайность, он ведь не первый раз стоит во дворе, когда я возвращаюсь из Бергена, небось долго стоял во дворе, поджидая меня, я уверен, посидел маленько на лавке возле стены, потом прошелся и опять сел на лавку, ведь я, по обыкновению, купил в Бергене кое-что и для него, и он ждет покупок, хотя всегда отказывается взять то, что я ему купил, но потом все-таки берет, как бы украдкой, как бы невзначай, думаю я, а перед каждой поездкой в Берген, когда я спрашиваю, надо ли купить что-нибудь для него, потому что покупки лучше делать в Бергене, а не в викском Магазине, он упорно твердит, что ничего ему не надо, то небольшое, что требуется, он купит в Магазине в Вике, в крохотном магазинчике, если можно его так назвать, от Дюльги он ближе всего, и хорошо, что есть у нас этот магазинчик, не то пришлось бы за любой мелочью далече мыкаться, и ведь не у всех, как у меня, есть машина и не все умеют водить, одни уже слишком старые, у других нету прав, третьи же не хотят, чтобы их подвозили вечно не трезвые водители, и потому сидят по домам, однако из тех, кто пьет, не все отказываются от поездок, некоторые садятся за руль, сколько бы ни выпили, и ездят осторожно и уверенно, думаю я, а Аслеик сейчас наверняка скажет, что я, мол, надолго задержался в Бергене, хотя оно и понятно: пока добрался до города, пока разыскал все, что нужно, много времени проходит, не с пустыми же руками домой возвращаться, ну а если и не было у меня дел в Бергене, я мог застрять там просто так или приударить за бабами, вот так он скажет и посмеется, думаю я, открывая дверцу машины

Добро пожаловать к нам, говорит Аслеик

Пожалуй, это я должен сказать, говорю я

Или ты и мой дом прибрал к рукам? – говорю я

Ха! – говорит Аслеик

Ха? – говорю я

Можешь и так сказать, говорит он

Что ты имеешь в виду? – говорю я

Твой да мой, говорю я

Ты при своем, а я при моем, говорю я

Так должно быть, говорю я

У меня есть собственный дом, даже с участком, так что цапаться тут не об чем, говорит он

То-то и оно, говорю я

Но почему ты тогда говоришь мне: добро пожаловать? – говорю я

А почему нет? – говорит Аслеик

Что в этом худого? – говорит он

Разве не так надо говорить? – говорит он

Разве не так положено? – говорит он

Так говорят хозяева усадьбы, им положено говорить: добро пожаловать, говорю я

а ведь у меня и правда есть усадьба, хотя это всего-навсего старый дом, пригорки, немного заболоченной земли да верещатника и несколько невысоких сосен вокруг

Ишь ты, усадьба, говорит Аслейк

Во всяком случае, это дом, мой дом, говорю я

Ну да, твой, говорит Аслейк

Твой, кто бы возражал, говорит он

Ясное дело, говорит он

В известном смысле, говорю я

и мы оба умолкаем, а потом Аслейк говорит, что дом, конечно, мой, чей же еще, хотя я и не родился в этом доме и не вырос, он все равно мой, никто этого не оспорит, хотя он хорошо помнит старую Алису, которая жила тут в свое время, говорит он

Понятно, говорю я

и снова молчание

Хорошая была женщина, старая Алиса, говорит Аслейк

В самом деле хорошая, говорит он

и опять молчание, а потом я говорю, что в ее честь и назвали мою жену, Алес, и, может, поэтому старуха Алиса и завещала Алес свой дом

Знаю, говорит Аслейк

Однако ж и других наследников не было, муж-то ейный давно помер, да и брат, отец Алес, тоже, говорит он

и опять молчание, а потом Аслейк говорит, что помнит даже родителей старухи Алисы, хоть и смутно, он, мол, и сам состарился, но помнит их уже стариками, по давним временам, и хозяйство у них было махонькое, отец-то, старый гриб, вроде в тираж вышел, но все ж таки на старости лет плывал в Вик, в Магазин, спускался к морю, на больных-то ногах, и плыл на весельной лодке в Магазин, а это куда как неплохо для старого да хворого мужика, говорит Аслейк

Да, говорю я

Вдвоем они жили, старики, говорит Аслейк

Конечно, поездка тяжелая, на износ, в его-то годы, но кто еще привезет домой провизию? и все прочее? – говорит он

Не было у него другого выхода, говорит он

и опять наступает молчание, тишина

Н-да, это я помню, помолчав, говорит Аслейк

И автомобилей в здешних краях тогда не было, знаешь ли, что-то вроде дороги построили, да только в поселке, меж домов в поселке, а из поселка никакой дороги не было, нет, говорит он

и продолжает, что, мол, уже совсем взрослым был, когда к ним провели дорогу, это он хорошо помнит, и старики в поселке, в особенности богомольные, считали, что лучше бы дорогу вовсе не строили, ведь какие только грехи да скверна всякая не хлынут в поселки, приехать-то сможет кто угодно? вот так судили-рядили иные из них, стало быть, лучше б дорогу не строить, но ее построили, и с тех пор Дюльгья стала частью мира, и понаехали сюда такие, как я, вот к чему привела постройка дороги, так что богомольные старики, пожалуй, были-таки правы, когда говорили, что, коли проведут дорогу, понаедет сюда всякий-разный народ и, как знать, не надумает ли кто из них тут поселиться, говорит Аслейк, и я думаю, что с Аслейком всегда так, всегда, не переделаешь его: начнет толковать про одно, потом про другое, лишь бы молоть языком, без остановки, наверно, все дело в том, что он много времени проводит в одиночестве и не с кем ему словом перемолвиться, вот и прорывает его иной раз, а уж тогда он знай болтает без остановки, взалхлеб, обо всем вперемешку, о прошлом, будущем и настоящем, и все это я уже слышал, сколько раз, думаю я

Ты-то плохо помнишь, говорит он
Я плохо помню? – говорю я

и непонятно мне, с какой стати он вдруг завел речь об этом, будто больше не о чем сейчас говорить, кроме как о моей памяти, ни с того ни с сего Аслеjk объявляет, что память у меня плохая, нет, непонятно мне, как я его терплю, год за годом, и как я вообще живу здесь, в этом заброшенном, богом забытом месте, где почти что никто по своей воле жить не хочет, думаю я, а Аслеjk говорит, что, кстати сказать, вообще-то хозяин этого дома не я, неужто я не помню, что говорил? ну, в тот раз, когда сказал, что если он сумеет сдвинуть лодку, то мой дом будет его?

Да мало ли что просто говорится, говорю я
Просто говорится, повторяет Аслеjk
Так я сумел сдвинуть лодку или не сумел? – спрашивает он

С моей помощью сумел, говорю я
С твоей помощью! – говорит он

Да, с моей помощью! – говорю я

Я сдвинул лодку в одиночку, говорит он

Нет, лодка стояла как вкопанная, пока я тоже не поднажал, говорю я

Значит, так и будешь отпираться от своего обещания, говорит он

Не собираюсь я ни от чего отпираться, потому что не вру, это чистая правда, говорю я

Чистая правда, значит, говорит он

Эвон как, чистая правда, говорит он

Да, это правда, говорю я

и разом наступает тишина, мы оба молчим, стоим некоторое время, не говоря ни слова

День нынче выдался спокойный, погожий, говорит Аслеjk

Да, говорю я

Поутру на море был полный штиль, но после полудня поднялся легкий ветерок, так всегда бывает, говорит он

Да и чего другого ожидать-то, уже поздняя осень, ну и хорошо, адвент вскорости, тут в пору пожалуй что шторма ждать, а не штиля, говорит он

а потом, что долго, поди, ждать не придется, оглянуться не успеешь, как нагрянет первый в нынешнем году шторм, удивительно, что до сих пор не нагрянул, говорит он, и мы опять стоим, не говоря ни слова

В Бергене-то все как обычно? – говорит он

Да, говорю я

и опять тишина

Хорошо иной раз прокатиться в город, говорю я

Да, наверно, говорит Аслеjk

а я думаю, что надо бы спросить его, когда он последний раз был в Бергене, но я столько раз уже задавал этот вопрос, и он всегда слегка смущается, юлит, мотает головой, ведь на самом деле вряд ли вообще бывал в Бергене, разве что раз-другой давным-давно, так что лучше не спрашивать, по крайней мере сейчас, не к месту это, думаю я, и мы всё стоим и не говорим ни слова

Я доволен, что могу рыбачить, коротать дни за рыбалкой, говорит Аслеjk

А я коротаю дни на свой лад, говорю я

Ну да, картины малюешь, говорит он

Да, верно, говорю я

Цельный день малюешь, говорит он

а я думаю, что все, что Аслеjk сейчас говорит, он часто говорил раньше, повторял снова и снова, раз за разом, но ведь я и сам говорил одно и то же, снова и снова, раз за разом спра-

шивал Аслейка, поймал ли он нынче что-нибудь, и он раз за разом отвечал, что в сетях было пусто, или говорил, что едва поднял сети на борт, или что поймал всего ничего, говорил что-нибудь в таком роде, а когда я порой показываю ему готовую картину, он может сказать что-нибудь, а может и промолчать, но странное дело, в его словах, если он что-нибудь говорит, всегда кроется что-то на удивление разумное, он всегда видит то, чего я сам не замечал, и эти наши дурацкие мелкие стычки, словно чтобы найти о чем поговорить, мы постоянно спорим буквально из-за всего, из-за самых что ни на есть пустяков, думаю я и слышу, как Аслейк сызнова, бог весть в который раз, спрашивает, как это я пишу картины, неужто не надоедает мне без конца малевать, я же почитай что всю жизнь пишу-малюю, так неужто не надоело? нет, не может он взять это в толк, сам-то никогда не умел нарисовать даже самой простой вещи, дома красил, это верно, но на большее никогда не отваживался, дома красить да лодки смолить он умеет, тут он мастер, ничего не скажешь, но красить дома и смолить лодки – это же совсем другое дело, картинам не чета, говорит он, и я, как обычно, говорю, что сам не знаю, зачем пишу картины, в общем-то чтобы на пропитание заработать, говорю я, а Аслейк говорит, что рисовать я начал еще мальчонкой, и мне понятно, он хочет, чтобы я рассказал, как в школе не ладил с арифметикой и потому, вместо того чтобы решать в тетрадке примеры, сидел и рисовал, рисовал Учителя, и соседа по парте, и всех остальных в классе, рисовал одного за другим, а зачем я это делал? затем что у меня получалось! вот так все просто! я рисовал потому, что цифры ничего мне не говорили, а рисунки у меня получались ловко, я, конечно, умел складывать, плюсовать, умел вычитать, с этим моя голова справлялась, если числа были не слишком большие и диковинные, но вот умножения и деления, процентов и прочего я совершенно не понимал, однако понимал разницу между большими и малыми числами, понимал, как их складывать и вычитать, с этим я справился, на всю жизнь, но в остальном, в остальном я ничегошеньки не понимал, ничегошеньки! не укладывалось это у меня в голове, бедняга Учитель старался изо всех сил, был само терпение, правда-правда, снова и снова пытался объяснить мне умножение, говорил, что если я не понимаю, то должен понять, все должны научиться умножать, говорил он, чтобы преуспеть в жизни, надо это уметь, говорил, что если два умножить на два, то получится четыре, говорил он, два плюс два – четыре, говорил он, а я говорил, что это мне понятно, а он говорил, что два плюс два равно четырем и дважды два равно четырем, ну а если семь умножить на семь, сколько получится? – спрашивал Учитель и объяснял, что можно к семи прибавить семь, потом прибавить еще семь и еще, всего семь раз, я так и делал, но сумма всегда получалась неправильная, всегда, а результат – сколько будет семью семь – нужно было просто заучить наизусть, но у меня не получалось, я даже не мог представить себе семь, умноженное на семь, как картинку, картинки-то я вижу мигом, даже это оказалось невозможно, я до сих пор не знаю, сколько будет семью семь, и так и не понял, почему результат всегда получался неправильный, цифра хоть раз вроде как смещалась, и выходило чуть больше или чуть меньше, не мог я это усвоить, потому и рисовал, ведь рисунки у меня получались, я мог нарисовать кого угодно, либо только лицо, либо всю фигуру в движении, так или этак, и больше всего мне нравилось рисовать движение, что-нибудь или кого-нибудь в движении, вроде как в общих чертах, да, думаю я, понять трудно, я и сам не понимаю, не понимаю, почему мне это нравилось, не понимаю, почему или как у меня это получалось, я много думал об этом, но так ни до чего и не додумался, но знаю, Аслейк хочет, чтобы я рассказал об этом еще раз, любит он слушать, как я рассказываю, что не мог выучиться считать, зато умел рисовать, никто в классе не умел рисовать так, как я, попросту никто, но я чувствую, что неохота мне рассказывать Аслейку об этом еще раз, да вообще-то и не верится, что ему сейчас охота слушать, он всего-навсего хочет поговорить, о чем угодно, ничего нового мы сообщить друг другу не можем, ведь столько лет уже знакомы и так часто разговаривали, что, пожалуй, все не раз обсудили, а потому я только говорю, что не знаю, почему пишу картины, не знаю, зачем занимался этим с самого детства, и думаю, что как-нибудь позднее все-таки еще раз расскажу ему, как

рисовал в арифметической тетрадке, вместо того чтобы решать примеры, но не сейчас, и тогда Аслеик скажет, что в школе вообще ни в чем не успевал, ни в счете, ни в чтении, ни в письме, ни тем более в рисовании, но вообще-то, скажет он, не потому, что не мог все это усвоить, все-все, а потому, что боялся учителя, от страха перед учителем ничегошеньки не соображал, как бы весь цепенел, и ни одной мысли в голове не было, он только смотрел на учителя в полном оцепенении и ничего не соображал, вот так он скажет, всегда ведь так говорит, думаю я, а вслух говорю, что, пожалуй, пишу картины по той же причине, по какой он рыбачит

Чтобы скоротать время, говорит он

Да, и чтобы заработать немного денег, говорю я

Ну да, и это тоже, говорит он

и опять надолго воцаряется тишина

Во многом это одно и то же, наконец говорит Аслеик

Да, говорю я

и спрашиваю Аслеика, не хочет ли он зайти, и он отвечает, что да, пожалуй, почему бы и нет, я открываю багажник, и Аслеик, как всегда, говорит, что машина у меня вместительная, практичная и, хотя с виду маленькая, места в ней куда больше, чем кажется, говорит он, а я протягиваю ему рулон холста, он берет его под мышку, идет к входной двери и открывает ее, я ведь никогда дверь не запираю, никогда, никто на Дюльгье свой дом не запирает, так было и так будет, а я снимаю с крыши солидную связку сосновых реек трехметровой длины, из которых мастерю подрамники, и тоже захожу в дом, Аслеик уже включил свет в коридоре и поставил рулон холста в угол у двери в Парадную Комнату, и я ставлю рейки возле холста, чтобы позднее отнести то и другое в мансарду, поскольку в одном из тамошних помещений у меня устроен склад для всего, что требуется для живописи, и, думая об этом, я прохожу в большую комнату, включаю свет, и навстречу мне веет холодом

Ну и холодина, говорю я

Аслеик тоже входит в комнату

Да уж, говорит он

Затопить печку? – спрашивает он

и я отвечаю, что хорошо бы, а я пока занесу в дом покупки, говорю я и вижу, как Аслеик подходит к печке, садится на корточки, берет в руки стружки, смотрит на меня и спрашивает, знаю ли я, откуда эти стружки, и я говорю, что да, прекрасно знаю, и спасибо ему большое за стружки и за дрова, какими он меня обеспечил, говорю я, глядя, как Аслеик кладет в печь стружки и небольшие куски растопки, и ведь верно, все стружки, растопку и дрова я получил от Аслеика, он любит возиться с дровами, с полешками, как он говорит, и я расплачиваюсь с ним за дрова, хотя он всегда твердит, что не надо ему никакой платы, но ему нужны те кроны, что я плачу, и мне всегда удается как бы невзначай, украдкой всучить ему деньги, сам-то я, как говорится, живу неплохо, людей, желающих купить мои картины, на удивление много, я и сам толком не понимаю, но так уж вышло, что я еще мальчишкой зарабатывал деньги рисованием, первые мои картины изображали соседские дома в переулке, где я вырос, в Бармене, и на этих картинах всегда был погожий весенний день, когда цвели фруктовые деревья и солнце заливало светом дом и сад, а фьорд сиял синевой, в общем-то я и писал свет, а не дома, зачастую они, конечно, тоже были красивые, но рисовать их было слишком скучно, поэтому я стремился написать свет, и в ярких солнечных лучах выходило так, что там, где ложились тени, свет был лучше всего, чем темнее, тем больше света, и с огромным удовольствием я бы написал осенний свет, но людям всегда хотелось видеть на картине свой дом в сиянии солнца, а я хотел продать свои картины, конечно же, хотел, затем и писал их, вот и делал все так, как людям хотелось, но того, что я по-настоящему изобразил, они не видели, никто не видел, один только я, ну, может, и кое-кто еще, потому что писал я тени, тьму среди света, подлинный свет, незримый, но разве кто-нибудь видел его? разве замечал? нет, наверно, или, может, кое-кто замечал? я знаю, были

и такие, что видят его, к примеру Аслейк, есть у него чутье на картины, нельзя не признать, но я писал дома и усадьбы, и народ покупал мои картины, я же покупал себе холст и тюбики с масляной краской, потому что мне всегда нравилось писать маслом на холсте, вот именно маслом на холсте, всегда, с того дня, когда я впервые увидел картину маслом на холсте, у меня возникло такое желание, а первую картину маслом я увидел в школе, она косо висела на крюке в одной из классных комнат и изображала Иисуса, идущего по водам, и, сказать по правде, была скверная, но вот краски, отдельные краски сами по себе, краски в некоторых местах, краски на холсте, ну как они лежали на нем, сливались с ним, соединялись с ним, а иногда отделялись от него, я просто глазам своим не верил, смотрел и смотрел, не на картину как таковую, она была написана скверно, но на краски на холсте, и они, масляные краски на холсте, запечатлены во мне с той первой минуты и по сей день, стали поистине своего рода опорой в жизни, н-да, подобно тому, как масляные краски скрепляются с холстом, они скрепили с холстом и меня, не знаю почему, но ведь с чем-то мне надо было скрепиться? зацепиться за что-то? и Учитель заметил, что я все время смотрел на эту картину, и сказал моим родителям, что у меня талант к рисованию и, наверно, к живописи, надо бы мне попробовать, и пусть не удастся научить меня арифметике, можно все-таки позволить мне рисовать картины, так он сказал, и родители снабдили меня разными ящичками, в которых лежали тюбики с красками, кисточки, палитра, а еще такая штука, чтобы смешивать краски и чтобы соскабливать краски, если получилось плохо, скребок, так он называется, без него тоже никак нельзя, и я был вне себя от восторга и знал, что нарисую, потому что дома в гостиной висела картина, подаренная то ли Отцу, то ли Маме, по-моему, Отец получил ее в подарок на сорокалетие, называлась она «Свадебная процессия в Хардангере», не оригинал, а так называемая репродукция, само это слово мне нравилось, но куда меньше нравилось, что и масляные краски, и холст там отсутствовали, картина была плоская, без красок, скрепленных с холстом, и эту вот картину, именно эту, я решил перерисовать, причем как можно точнее, и сказал родителям, что это первая картина, какую я хочу написать, и отец с матерью сказали, что с этим мне нипочем не справиться, я и Учителю сказал, и он тоже был уверен, что я не справлюсь, но я упорно стоял на своем и твердил, что не притронуся к кистям, пока не получу холст на подрамнике точно того же размера, как «Свадебная процессия в Хардангере», и потому отец купил мне холст на подрамнике нужной величины, помнится, я получил его в подарок на Рождество, и было мне тогда лет двенадцать, да, примерно, а потом они сняли картину со стены, и я положил ее и пустой белый холст на пол, наверху, в мансарде, и взялся за работу, потихоньку, медленно, ведь надо было правильно подобрать краски и нанести их в правильных местах, действовал я не спеша, наносил чуть ли не точку за точкой, и они создавали красочный слой, продвигалось дело медленно, шли дни, с Рождества и до Нового года я все время пропадал в мансарде, занимался картиной, а родители все больше дивились, ведь чудо из чудес – моя картина была похожа, в точности похожа! и была даже лучше той, что служила мне образцом! они не могли не признать, нет, они даже представить себе не могли такое, сказали они, это же безупречно, поверить невозможно, и Отец не удержался, пошел и рассказал Учителю, тот пришел посмотреть на картину, а потом спросил, можно ли ее купить, и Отец, помедлив, ответил, что он, мол, пожалуй, может купить ту картину, с которой я писал, но Учителя такая покупка не интересовала, а я сказал, что мне нужны деньги на новые краски и холсты и я хочу продать картину, и, поскольку написал-то ее я, Отцу пришлось согласиться, Учитель купил у меня картину и хорошо заплатил, я до сих пор прямо воочию вижу перед собой Учителя, как в одно из первых воскресений нового года он идет по дорожке от нашего дома, с моей картиной под мышкой, а я стою с деньгами в руке, сколько их было, я уже не помню, зато помню, что в один прекрасный день сел на автобус и поехал из Бармена в Странну, поскольку магазины были именно там, много магазинов, а в магазине «Художник» в Странне продавали и малярные краски, и краски для живописи, туда я и отправился, купил тюбики с красками, рулон холста и рейки

для подрамников, вот с тех пор и пишу маслом на холсте, и жил всегда на картины маслом на холсте, ничем другим деньги не зарабатывал, с самого детства, ведь еще мальчишкой зарабатывал своими картинами, и Аслеик больше всего любит мои рассказы об этом, ну, как я писал соседские дома и продавал эти картины соседям, а на вырученные деньги покупал тюбики с масляными красками и холст, но говорить об этом сейчас мне не хочется

Ты всю жизнь хорошо жил на свои картины, говорит Аслеик

Ну да, говорю я

Как посмотреть, говорю я

Во всяком случае, не бедствовал, говорит Аслеик

Да, не бедствовал, говорю я

Никогда не бедствовал, говорит он

а мне не хочется сызнова толковать о том, как я мальчишкой писал картины и продавал их, ведь вообще-то картины были скверные, лживо красивые, хуже некуда, только тени были выписаны хорошо, а хуже всего была копия «Свадебной процессии в Хардангере», потому я и не хотел говорить о ней, сейчас не хотел, можно и повременить, когда-нибудь позднее я расскажу об этом Аслеику, думаю я, судя по всему, я стыжусь картин, какие рисовал в детские годы, но почему? да просто потому, что кое-чем в них злоупотреблял, кое-что портил, тогдашние солнечные картины были чистейшей ложью, кроме теней, тьмы, света, иной раз я к чему-то приближался, но в картине старался спрятать, ведь то, что, быть может, сделало бы картину хорошей, заказчик нередко считал неправильным и неуместным, словно привидение на картине, и я это закрашивал, лучшее на картине закрашивал! даже думать об этом противно, однако, на их взгляд, главное, чтобы вышло похоже, чтобы фруктовые деревья цвели, и солнце освещало солидные белые дома, и фьорд синел, а такую картину написать проще простого, нужна только фотография дома или усадьбы, они и хотели, чтобы я срисовывал с фотографии, и вдобавок сообщали, какого размера должна быть картина, и, выяснив все это, я приступал к работе – и до чего же получалось похоже, и до чего же я стыжусь тогдашних своих картин, хотя стыдиться-то особо нечего, скорей уж мне бы надо гордиться, ведь совсем неплохо для мальчишки уметь этак писать маслом; ну до чего ж похоже! – говорили они и платили, а я писал, и в самом деле отнюдь не плохо для мальчишки писать такие картины, и все-таки я их стыжусь, я словно бы чем-то пренебрегал, даже осквернял что-то, когда писал их, хорошо бы им всем исчезнуть! пропасть навсегда! если б я мог сжечь все и каждую, я бы так и сделал, я думал об этом еще задолго до того, как пошел в Гимназию, и писал такие картины крайне неохотно, к счастью, я их не подписывал, но иной раз кто-нибудь просил подписать, и тогда я писал свое имя в нижнем правом углу, но только имя, не больше, может, им и не нравилось, что я подписываю только именем, но, по-моему, этого было достаточно, хотя некоторые помечали на обороте, что я написал картину в таком-то году; а портреты моих родителей и вовсе кошмар, глаза бы мои не глядели! пропади они пропадом, эти портреты! ведь они были насквозь лживы, хотя отличались большим сходством и выглядели очень красиво, все равно чистейшее пренебрежение, чистейшее осквернение искусства, сказать по правде, именно мой рассказ об этом очень нравился Аслеику, и он совершенно не понимал, отчего я так стыжусь этих картин, он видел кой-какие из них, у него родня в Бармене, мамаша его была родом из Бармена, поэтому он бывал там несколько раз, видел мои картины, и послушать его, так это лучшие мои работы, ни одна из более поздних ни в какое сравнение не идет, говорил он, а я думал, что ни хрена он не понимает, что такое хорошая картина, и я водил с ним компанию, с этим недоумком, постоянно общался с человеком, который ну ничегошеньки не понимает, думаю я, вижу, что Аслеик уже растопил печь и подложил еще одно хорошее березовое полешко, выхожу на улицу, забираю из машины два пакета, возвращаюсь в коридор, открываю дверь кухни, включаю свет, заносу туда пакеты, ставлю их на кухонный стол, иду в комнату и вижу, что Аслеик стоит возле открытой топки и говорит, что теперь хорошо разгорелось и он готов помочь мне занести в

дом остальные покупки, он закрывает топку, мы вместе выходим к машине, и я протягиваю ему два пакета, он берет их, а я говорю, чтобы он поставил их на кухонный стол, и сам беру последние два, ставлю их наземь, захлопываю крышку багажника и, глядя, как Аслейк идет к двери дома, говорю: как хорошо, что нам незачем запирать двери

Да уж, что правда, то правда, говорит Аслейк

На Дюльгье никогда не было разговору о том, чтоб запирать двери, говорит он

Никогда, говорит он

и подчеркивает это слово, будто сказал что-то очень значительное, и, в сущности, действительно сказал, ведь в наше время не так много мест, где люди, отлучаясь куда-нибудь, не запирают двери домов

Хорошо, что мы тут, на Дюльгье, можем доверять друг другу, говорю я

На Дюльгье все могут доверять всем, говорит Аслейк

и я вижу, как он стоит в дверях с двумя пакетами, спиной ко мне, и в глубине души знаю, что никогда не забуду этот вот миг, яркий миг, потому что в нем есть свет, свет озаряет его то ли снаружи, то ли изнутри именно сейчас, когда я вижу Аслейка в дверях, спиной ко мне, его сутулые плечи, почти совершенно лысую голову с колечком длинных седых волос понизу, еще мне видна длинная седая борода, по-моему, он вряд ли хоть раз подстригал ее с тех пор, как она начала расти, думаю я, а пластиковые пакеты тянут его к земле, сутулят плечи, он как бы обрамлен дверным проемом, и хотя кругом темно, ведь снаружи свет не включен, лишь чуточку света падает на него из коридора, я вижу его как силуэт, как силуэт с собственным светом, и, наверно, этот свет – его ангел-хранитель, думаю я, но если я сдуру скажу ему такое, он от души посмеется и скажет, что я вроде тех стариков-музыкантов, которые якобы видели водяного и научились у него танцам-слоттам, я такой же, как они, только на свой христианский манер, примерно так он скажет, но так было всегда, подобные миги, яркие вспышки того или иного постоянно запечатлеваются в памяти, и потом я никак не могу их выбросить из головы, никак, они запечатлеваются как картины и остаются, не могу я от них отделаться, пока не напишу, вот в чем штука, такой уж я уродился, думаю я, однако эти мгновения принадлежат и такому человеку, как Аслейк, думаю я, но почему он не заходит в дом? почему стоит в дверях? или, думаю я, время для меня словно бы остановилось?

Заходи на кухню, говорю я

Сейчас, говорит Аслейк

Не пойму, почему ты стоишь в дверях, говорю я

Да я и не стою, говорит он

Ну, давай заходи, говорю я

Да, сейчас, захожу, говорит Аслейк

и заходит, а я поднимаю два своих пакета, тоже захожу в дом и вижу Аслейка, в открытую дверь он проходит на кухню, а я иду за ним, он ставит пакеты на кухонный стол, и я тоже ставлю туда свои

Ты много чего накупил, говорит Аслейк

Шесть пакетов, говорит он

Да, много, всегда получается больше, чем рассчитываешь, говорю я

и выхожу в коридор, закрываю входную дверь, потом возвращаюсь на кухню и закрываю за собой кухонную дверь

Неужто тебе, одинокому мужчине, столько всего надо? – говорит Аслейк

Да нет, говорю я

А ты эвон сколько накупил, говорит Аслейк

И выпить тоже? – говорит он

и косится на меня

Да нет, говорю я

и я знал, что он это скажет, ведь он словно бы все время хочет напомнить мне, что я больше не пью, что я бросил пить, много лет назад, что я... нет, не хочу об этом думать

Ни пива, ни водочки, говорит он

Рождество скоро, а тогда по давнему обычаю надобно иметь в доме пиво да водочку, говорит Аслейк

А ты что же, ничего не купил? – говорит он

Нет, и говорить об этом незачем, говорю я

К Рождеству? – говорит он

И к Рождеству, говорю я

Ты не любишь Рождество? – говорит Аслейк

Нет, ну то есть... как бы это сказать, говорю я

Не любишь быть на Рождество один? – говорит он

Да, не могу сказать, что люблю, говорю я

Понятно, говорит Аслейк

и мы стоим на кухне, не говоря ни слова

А ты на Рождество махнешь, как обычно, к сестре в Инстефьор, говорю я

Угу, говорит Аслейк

а потом, как обычно, как уже много лет, говорит, что с тех пор как Сестра – ее зовут Гуро, но он зовет ее просто Сестра – осталась одна, с тех пор как муженек ейный ушел и больше не вернулся, лоботряс этакий, она всегда приглашает его на Рождество к себе, прямо-таки упрашивает приехать, а он и не против, чем плохо – встретить Рождество у Сестры, угощает она на славу, нигде не сыщешь таких бараньих ребрышек, сущее объедение, и как только она добивается такого вкуса, ребрышки-то у нее на вкус совершенно особенные, ему неизвестно, а она, Сестра то есть, рассказывать не хочет, и он подначивает ее, мол, есть у него кой-какие предположения, есть кой-какие подозрения на сей счет, и ведь она только по дурости или, может, перво-наперво чтоб ему досадить, не хочет сказать, как добивается такого вкуса, ему понятно, это явно связано с копчением, у нее есть коптильня в подвале, не в отдельной пристройке, как у него, говорит Аслейк, и все дело наверняка в том, что она использует при копчении, вот к какому выводу он пришел, говорит Аслейк

Бараниной-то ты ее обеспечиваешь? – спрашиваю я

Да, говорит Аслейк

Сам забиваю, сам свежую и рублю, ты же знаешь, говорит он

Ну вот, говорит он

Каждый год снабжаю ее бараниной, говорит он

а еще он говорит, что каждую осень грузит в Бот свежезабитого и разрубленного барашка и плывет вверх по Согне-фьорду, в Эйгну, где живет Сестра, под Инстефьором, ты же видел ее дом, потому как проезжаешь мимо него аккуратно каждый раз, когда едешь в Берген и из Бергена, говорит он, серый такой домишко, который не мешало бы покрасить, уж больно облупленный, говорит он, но хотя он солит-коптит сам, старинным способом, а сколько этому способу лет, никто не упомнит, говорит Аслейк, да мне это хорошо известно, я ведь каждый год получаю от него мясо, и сам он считает, что хорошо готовит копченые ребрышки, и вяленую говядину, и вяленый бараний окорок, так люди говорят, а Сестра все равно хочет солить-коптить сама, хотя он бы с удовольствием насолил-накоптил и на ее долю, она хочет сама, и не без причины, потому как у нее все это приобретает особенный, а главное, совершенно восхитительный вкус и, что греха таить, у Сестры бараньи ребрышки вкуснее, чем у него, и хоть и нелегко стерпеть да признать, это чистая правда, а правда есть правда, говорит Аслейк, Сестрины ребрышки аж тают во рту, нет им равных, говорит он, и, по крайней мере теперь, когда мужик, с которым она жила, Скрипач этот, смотал удочки, он каждое Рождество садится в свой Бот и плывет вверх по Согне-фьорду к Сестре, ведь Согне-фьорд никогда не замерзает, течения там очень уж силь-

ные, так что хотя она живет далеко по берегу Согне-фьорда, под Инстефьуром, в Эйгне, где есть бухта, а он сам живет в низовье Согне-фьорда, где тот соединяется с морем, н-да, не без причины город на Согне-фьорде чуть дальше того места, где живет Сестра, называется Инстефьур, Верховье то есть, и мне это, конечно, хорошо известно, он глупости болтает, говорит Аслеик, но, стало быть, каждое Рождество он в сочельник отправляется на своем рыболовном боте к Сестре, дорога занимает несколько часов, большей частью чуть не весь день, и до сих пор погода всегда бывала хорошая или сносная, хотя об эту пору может и разнепогодиться, море может этак разбушеваться, что только дурень выйдет на лодке, только такой, что моря не знает, новичок, да он-то не новичок, он знает, когда на берегу сидеть, а когда в море выходить, но что поделаешь, погода меняется быстро, и, по его долгому жизненному опыту, предсказать эти перемены совершенно невозможно, полной уверенности никогда нету, но коли подымется шторм, надо поскорей причаливать к берегу, а коли ты далёко в море, вахта будет тяжелая, но до сих пор он всегда благополучно добирался до гавани, хоть это вовсе не само собой разумеется, иные рыбаки до берега не добирались, много лодок лежит на дне в устье Согне-фьорда и выше, в самом фьорде, это уж точно, множество людей нашло там свою гибель, да-а, море вообще-то, пожалуй, самое большое кладбище в здешних краях, тут он уверен, нынче-то дело другое, нынче лодки с мотором, не то что прежде, когда ходили на веслах или под парусом, нынче главное, чтоб мотор не заглох, а он не заглохнет, коли вовремя менять фильтры, хоть раз в году, сам он завсегда держит на борту запасной фильтр, на случай, если мотор заглохнет, сказать по правде, даже не один, а два фильтра, мало ли, вдруг один окажется с изъяном или станешь менять и испортишь, никогда ведь не ведомо, что может случиться, ведь, черт побери, фильтр почти всегда забивается аккурат при сильном волнении, при очень сильном, а в таком разе не больно-то легко, стоя на четвереньках, извлекать старый фильтр, даже с помощью пасатижей, которые у него завсегда с собой, а как же, и хотя он менял фильтры много раз, лишь однажды ему пришлось делать это при сильном волнении, мотор заглох, ветер был крепкий, хоть и не штормовой, и резко занепогодило, как обычно, вот тут-то мотор и заглох, никак он не мог его запустить и смекнул, что фильтр забился, и ругал себя последними словами, что поленился заменить фильтр, давненько ведь не менял, припомнить не мог, когда это было, главное, что очень давно, а Бот качается с боку на бок да вверх-вниз, волны перехлестывают через борта, и ведь надо открыть крышку мотора, ох, только держись, говорит Аслеик, качая головой, но все кончилось благополучно, он же стоит здесь, говорит со мной, но, признаться, ничего хуже того случая не припомнит, к счастью, обошлось тогда, мотор заработал, а сам он, несмотря на бурное море, не оплошал, справился, тут он мастер, лишь бы мотор работал, а уж он завсегда справится, ну, почти что, говорит Аслеик, но только почти что, и некоторое время он молчит, а помолчав, продолжает: мол, одно ясно – невелика радость оказаться в открытом море в непогоду, при крепком ветре, в шторм, да что говорить, коли можно этого избежать, он, понятно, избегает, не выходит в море, коли погода скверная, не такой он дурак, однако, как он уже говорил, наверняка никогда не знаешь, море в один миг меняется, капризное оно, никогда не знаешь в точности, как оно себя поведет, но кое-что все ж таки известно: коли погода хорошая и небо ясное, можно рассчитывать, что очень уж сильное волнение не подымется, говорит Аслеик, а я говорю *Red sky at morning Sailor's warning, Red sky at night Sailor's delight*⁷, а Аслеик говорит, что это вот ни к чему, он мало что помнит из английского, который учил в школе, потому как учитель сам толком английского не знал, говорит Аслеик, а раз уж так трудно заранее угадать, каково будет море, не очень-то хорошо, что он каждый год ждет сочельника, чтобы на Боте отправиться к Сестре, однажды ведь эвон как случилось, говорит Аслеик, надо бы, конечно, плыть в погожий день еще в адвент, когда погода почитай что наверняка не обернется штормом, когда под Рождество и в устье и в самом Согне-фьорде довольно

⁷ Красно солнце поутру – предупреждение моряку, красно солнце ввечеру – то на радость моряку (англ.).

спокойно и плыть одно удовольствие, и ничто не указывает, что море осерчает, вот тогда-то и надо бы выходить в море, за несколько дней до Рождества, но он предпочитает не задерживаться у Сестры дольше положенного, обычно его сразу тянет домой, и наутро, в первый день Рождества, он уезжает, всегда так поступал, и погода в первый день Рождества всегда на удивление тихая, в пору прямо-таки стать суеверным, ведь до сих пор аккурат в эти дни, в сочельник и в первый день Рождества, каждый год стояла хорошая погода, но, сказать по правде, лучше всего он чувствует себя дома, там его место, там ему по душе, однако поездки к Сестре в Эйгну уже вошли в привычку, и если честно, то ему не больно нравится сидеть на Рождество одному, слишком уж одолевают воспоминания о детских годах, о том, как они с Сестрой жили с родителями, о родителях, об Отце и Матери, которых давным-давно нет на свете, но оба они, Отец и Мать, были хорошие люди, и, когда хоронили Отца, священник сказал, что он жил по совести, и то же самое он сказал, когда хоронили Мать, она, мол, жила по совести, вот и выходит, что, коли остается в сочельник один, он сидит и вспоминает похороны Отца да похороны Матери, а тогда и еда ему не в радость, самые вкусные бараньи ребрышки все равно не в радость, тут он похож на Сестру, она тоже не охотница сидеть одна в сочельник, но в те времена, когда Сестра жила с этим, со Скрипачом – он, Аслеик, всегда его только так и называл, – проводить с ними Рождество никакого удовольствия не доставляло, не было у него ни малейшего желания, хотя Сестра, конечно, и тогда тоже приглашала его к себе, к ним то есть, и он как-то раз съездил, но сочельник получился не шибко веселый, ну, как уж все тогда вышло, он мне наверняка не рассказывал, но непременно как-нибудь расскажет, пока что можно повременить, он в другой раз расскажет, это ведь никакой не секрет, много лет минуло, а вспоминать все равно неприятно, он ведь, Скрипач этот, не дурак выпить, н-да, ну и пока Сестра жила со Скрипачом, он справлял сочельник в одиночку, но несколько лет назад Скрипач смылся, а она-то неужто не могла найти себе мужика получше? он ведь частенько к бутылке прикладывался, Скрипач-то, сказать по правде, как подвернется какая-никакая выпивка, так он беспрерывно напьется, а она будто не могла найти себе мужика получше, нет, никогда он не мог взять этого в толк, ведь Сестра женщина пригожая и с возрастом хуже не стала, сколько он ее помнит, у нее всегда были белокурые волосы до плеч, и посейчас нет в них ни единого седого волоска, тогда как у него самого волос осталось совсем немного, да и те сплошь седые, не говоря уже о бороде, тоже ведь седеая, глядя на них двоих, никто не поверит, что они брат и сестра, по годам-то разница между ними невелика, хоть он и старший, но пока Сестра жила с этим Скрипачом, он, не считая того единственного раза, проводил сочельник в одиночестве, ну то есть после смерти родителей, только об этом ни думать, ни говорить не стоит, и вообще, что это он разболтался, мелет и мелет языком, говорит Аслеик, слишком подолгу сидит один, потому, дескать, этак и болтает, когда мы встречаемся, но, как бы то ни было, по крайней мере в нынешнем году он еще раз справит Рождество за компанию с Сестрой, как обычно, добавляет он, дом-то в Эйгне достался ей по наследству от отцова брата и его жены, своих детей у них не было, а к нему, старшему, перешла усадьба на Дюльгье, говорит он, и дом достался ей задешево, почитай что даром, на халяву, по правде сказать, да и он, когда стал хозяином усадьбы, мало помогал Сестре, говорит он, а у нее не было денег, чтобы заплатить ему, она-то не больно много зарабатывает своими хардангерскими вышивками, скатерть за скатертью, то большая, то маленькая, дорожка за дорожкой, да вышитые крестиком косынки для бунадов⁸, кой-какие деньги это приносит, но небольшие, так, концы с концами сведешь, и ладно; как окончила школу, она несколько лет работала в одном из магазинов в Бергене, назывался он, кажись, «Дары Хардангера» или вроде того, но магазин разорился, она вернулась домой, а дом в Эйгне тогда пустовал, вот она и поселилась там, изо всех сил заботилась о доме, когда наружная краска сильно облупилась, она его покрасила, по крайней мере один раз, и покраской, надо сказать, занимался Скрипач,

⁸ Бунад – праздничный народный костюм.

до того как слинял, наверняка Сестре стало невольно, и она его выставила, сама намекала, что выставила и после жалела об этом, велела ему убираться, а он из гордыни сей же час и ушел, однако, пока жил с Сестрой, он следил за домом и опять же маленько деньжат зарабатывал скрипкой своей, если, конечно, приносил домой крону-другую, а не пропивал разом все, но и тогда обычно притаскивал с собой несколько бутылок спиртного, так Сестра сказывала, но хотя бы дом он покрасил, один раз, этого у него не отымешь, говорит Аслейк, н-да, Сестру он навещает не так уж часто, говорит он, но в сочельник, теперь, когда Сестра живет одна, все-таки лучше побыть у нее, чем сидеть одному, и бараньи ребрышки у Сестры, как он сказывал, пальчики оближешь, говорит Аслейк и стоит, словно в задумчивости, потом глядит прямо на меня и спрашивает, не хочу ли я в порядке исключения справить сочельник с ним и с Сестрой, а что, было бы очень даже здорово, им с Сестрой вдвоем, конечно, хорошо, но побольше народу за столом ничуть не помешает, очень уж много воспоминаний наваливается, о Матери и Отце, а для Сестры – о муже ее, Скрипаче, который слинял и, по слухам, связался на востоке с какой-то бабенкой, так почему бы тебе не поехать со мной, говорит Аслейк, хотя спрашивать меня об этом без толку, он уж сколько раз спрашивал, пора бы и перестать, говорит он, ведь я никогда, никогда не соглашался, говорит он, а разве он не дарит Сестре на каждое Рождество картину моей работы? маленькую, завсегда одну из маленьких, и с тех пор, как осталась одна, Сестра каждое Рождество твердит, чтобы он спросил у меня, не захочу ли я отпраздновать следующее Рождество с ними за компанию, и признаться, он удивлялся, зачем это она без конца спрашивает, ведь я ни разу не приезжал, и он отвечает Сестре, что, мол, спрашивал меня не счесть сколько раз, а я ни разу не соглашался, и, кстати говоря, он подумал, что у Сестры есть, поди, какие-то задние мысли, ведь мы с ней примерно ровесники и оба одинокие, а многим – особенно женщинам, хотя нет, тут никакой разницы меж мужчинами и женщинами нету – вовсе неохота жить в одиночку, тем более что Скрипач слинял, просто ушел и не вернулся, оболтус этакий, даже не попрощался с Сестрой, а теперь вот, мол, связался где-то на востоке или в другом месте с какой-то бабенкой, далеко на востоке, кажись, в Телемарке, но на скрипке он играл хорошо, ничего не скажешь, и, по правде-то, Сестра небось потому и прикипела к нему, очень уж он хорошо играл, мастер, иначе не скажешь, говорит Аслейк

Да, ты рассказывал, говорю я

А есть такое, чего я не рассказывал? – говорит он

Тебе видней, говорю я

и опять мы оба молчим, стоим, глядя в пол

Стало быть, и в этом году не поедешь? – говорит Аслейк

Нет, лучше побуду дома, говорю я

Ты и в Рождество картины малюешь? – говорит Аслейк

Да, говорю я

и опять тишина

Даже в сочельник? – говорит Аслейк

Да, говорю я

Но бараньи-то ребрышки в сочельник употребляешь? – говорит Аслейк

и я говорю «нет», но не сразу, и Аслейк говорит: употребляешь, ты ведь получаешь от меня и ребрышки, и лютефиск⁹, и дрова, и прочее в обмен на картину, которую я дарю Сестре, да и вяленую говядину тоже, у Сестры теперь цельная коллекция, почти что вся стена в гостиной увешана твоими картинами, три над диваном и не одна в коридоре, да повсюду, так что даже хорошо, что ты всегда давал мне маленькие картины, говорит Аслейк, хотя давал ты мне их из чистой скарденности, говорит он

⁹ Норвежское национальное блюдо – пресно-сушеная рыба, вымоченная в слабом щелочном растворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.